

ЭРИКА
ЙОХАНСЕН

ЗАВОЕВАНИЕ ТИРЛИНГА

МАЛО ПРОСТО ПОЛУЧИТЬ КОРОНУ...
ЕЕ ЕЩЕ НАДО УДЕРЖАТЬ

Королева Тирлинга

Эрика Йохансен

Завоевание Тирлинга

«АСТ»

2015

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44

Йохансен Э.

Завоевание Тирлинга / Э. Йохансен — «АСТ»,
2015 — (Королева Тирлинга)

ISBN 978-5-17-104027-7

Келси Глинн, по праву занявшая трон Тирлинга, запретила отправку рабов в соседнее королевство Мортмин. И тем самым перешла дорогу Красной Королеве – жестокой правительнице, источником власти которой стала черная магия. Королева отправляет в Тирлинг устрашающее воинство, намереваясь во что бы то ни было забрать то, что считает своим по праву. Вторжение неизбежно. Сможет ли Келси справиться с новой угрозой и сохранить свое королевство?

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-104027-7

© Йохансен Э., 2015
© АСТ, 2015

Содержание

КНИГА I	6
Глава 1	6
Глава 2	23
Глава 3	47
Глава 4	60
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Эрика Йохансен

Завоевание Тирлинга

Erika Johansen

THE INVASION OF THE TEARLING

Печатается с разрешения автора и литературных агентств William Morris Endeavor Entertainment, LLC и Andrew Nurnberg.

© 2015 by Erika Johansen

© М. Фетисова, перевод на русский язык, 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2018

***

«Встречайте новую Китнисс Эвердин. А если вы пропустили предыдущую книгу – «Королева Тирлинга», – бегите со всех ног на ее поиски».

Entertainment Weekly

«Познакомьтесь с Келси, героиней столь нереально крутой, что Эмма Уотсон уже согласилась ее играть».

Cosmopolitan

«Йохансен – искусный создатель фэнтези-миров, смешивающая Средневековье и современность в лучших традициях Джорджа Р. Р. Мартина... Убедительный, хорошо написанный сиквел, который заставит читателей ждать продолжения».

Kirkus Reviews

***

У каждого ребенка должен быть свой Бартни.

Моему отцу, Курту Йохансену

КНИГА I

Глава 1

Холл

Второе Мортийское Вторжение грозило стать побоищем. На одной чаше весов стояла численно превосходящая мортийская армия, вооруженная лучшим оружием Нового Мира, под командованием упрямейшего человека. На другой – тирская армия, вчетверо меньше, вооруженная дешевым кованым оружием, крошащимся при столкновении с доброй сталью. Шансы были ничтожны. Казалось, Тирлингу не избежать катастрофы.

Мученик Кэллоу, «Тирлинг как военная держава».

На мортийской границе быстро рассвело. Мгновение назад на горизонте не просматривалось ничего, кроме туманной голубой линии, и вот уже яркие полосы потянулись вверх от восточного Мортмина, заливая небо. Лучезарное отражение расплзлось по озеру Карчмар, пока поверхность не запылала огнем; наваждение исчезло, только когда легкий ветерок лизнул берег, и водная гладь пошла волнами.

В этом краю с мортийской границей все было непросто. Никто точно не знал, где проходит линия раздела. Мортмин утверждал, что озеро находится на мортийской территории, но и Тир не отказывался от претензий на воду, поскольку, если уж на то пошло, озеро открыл видный тирский исследователь по имени Мартин Карчмар. Карчмар упокоился почти три века тому назад, но Тирлинг так и не отрекся от своих притязаний на озеро. Сама по себе вода не представляла ценности – хищная рыба, водившаяся в ней, едва ли годилась в пищу, но озеро было единственным приграничным ориентиром на несколько миль к северу и югу. Оба королевства постоянно старались окончательно утвердить его статус. Однажды, давным-давно, ходили разговоры о заключении договора, но ничего так и не вышло. На восточном и южном берегах озера залегли солончаки, где чередовались полосы мокрого ила и болотных зарослей. Эти равнины тянулись на несколько миль к востоку, а затем переходили в леса из мортийской сосны. Но на западном берегу озера Карчмар солончаки занимали всего несколько сотен футов, а затем резко вздымались Пограничные холмы, крутые склоны которых покрывал густой сосняк. Деревья поднимались на Холмы, перетекали через них, спускаясь на другой стороне к Тирлингу, и сходили на нет к северной Алмонтской равнине.

Хотя крутые восточные склоны Пограничных холмов покрывал необитаемый лес, вершины холмов и западные склоны были усеяны крошечными тирскими деревушками. Жители их занимались собирательством в Алмонте, но в основном разводили скот – овец и коз – и заготавливали шерсть, молоко и баранину, торгуя по большей части друг с другом. Иногда, сбившись в группы и позаботившись о надежной охране, они отправлялись в Новый Лондон, где товары – особенно шерсть – высоко ценили и расплачивались не только бартером, но и звонкой монетой. Деревеньки, раскинувшиеся на склоне – Вудэнд, Идилуайлд, Склон Девина, Гриффен – служили легкой добычей Их жители были вооружены лишь деревянным оружием и обременены скотом, который не желали бросать.

Полковник Холл удивлялся, как можно так сильно любить клочок земли и при этом благодарить всемогущего Господа, что живешь вдали от него. Холл, сын овцевода, вырос в Идилуайлде, и запах этих деревень – мокрая шерсть, спекшаяся с навозом, – так вьелся в память,

что он чувствовал его даже сейчас, хотя ближайшее поселение находилось на западном склоне Пограничных холмов, в нескольких милях отсюда и вне поля зрения.

Судьба увела Холла из Идилуайлда. Не сказать, чтобы счастливая, скорее сомнительная: из тех, что одной рукой дают, а другой втыкают нож в спину. Их деревня находилась слишком далеко на севере, чтобы сильно пострадать от первого Мортийского вторжения: однажды ночью разбойничий отряд забрал несколько овец из неохраяемого загона, вот и все. Когда было подписано мортийское соглашение, Идилуайлд и соседние деревушки устроили праздник. Холл с братом-близнецом Саймоном так надрались, что проснулись в свинарнике в деревушке Склон Девина. Отец тогда сказал, что их деревня легко отделалась, и Холл тоже так думал, а потом, восемь месяцев спустя, Саймон попал во вторую государственную лотерею. Холлу и Саймону было пятнадцать и они уже считались мужчинами, но родители позабыли об этом на следующие три недели. Мать готовила любимую еду Саймона, отец освободил обоих от работы. Ближе к концу месяца они отправились в Новый Лондон, как и многие другие семьи. Отец всхлипывал в передней части повозки, мать, нахмурившись, молчала, а Холл с Саймоном изо всех сил старались изображать присутствие духа.

Родители не хотели, чтобы Холл стал свидетелем отправки. Они оставили его в пабе на Большом бульваре, вручив три фунта и наказав никуда не уходить, пока не вернутся. Но Холл не был ребенком: он вышел из паба и пошел за ними к Цитадели. Отец упал в обморок незадолго до отправки, мать пыталась привести его в чувства, поэтому, в конце концов, один лишь Холл стал свидетелем отправки. Один лишь Холл видел, как Саймон растворился в городе и покинул их навсегда.

Той ночью семья осталась в Новом Лондоне, в одном из захудалых трактиров, которые предлагала Кишка. В конце концов, ужасный запах выгнал Холла на улицу, и он бродил по Кишке в поисках лошади, решив последовать за клетками по Мортийской трассе, чтобы освободить Саймона или умереть. Возле одного из пабов он нашел лошадь и как раз пытался распутать сложный узел, когда ему на плечо опустилась чья-то рука.

– Ты что творишь, деревенский крысеныш?

Мужчина был настоящим великаном, выше отца Холла, вооруженным и облаченным в доспехи. Холл подумал, что ему недолго осталось коптить небо, и какая-то его часть даже обрадовалась.

– Мне нужна лошадь.

Мужчина пристально поглядел на него.

– Кого-то отправили?

– Не ваше дело.

– Еще как мое. Лошадь-то моя.

Холл вытащил нож для разделки бараньих туш, надеясь, что незнакомец не разбирается в оружии.

– У меня нет времени спорить. Мне нужна лошадь.

– Убери это, мальчишка, и не глупи. Груз охраняет восьмерка Кейдена. Уверен, ты слышал о Кейдене даже в своей дыре. Им твой ножик – на один зубок.

Незнакомец взял лошадь под уздцы, но Холл поднял нож, преграждая ему путь.

– Не хочется опускаться до воровства, но я спешу.

Незнакомец посмотрел на него долгим оценивающим взглядом.

– Что ж, бери. Парень ты, вижу, правильный. Фермер?

– Пастух.

Незнакомец еще мгновение его поизучал, а потом сказал:

– Хорошо, парень. Вот как мы поступим. Я *одожду* тебе своего коня. У него весьма говорящее имя – Прок. Ты поскачешь на нем по Мортийской трассе и посмотришь на этот груз. Если не дурак, поймешь, что у тебя нет ни единого шанса, и тогда останется два варианта.

Или умереть без толку, или развернуть коня и доскакать до моей казармы в Уэллсе, и там мы поговорим о твоём будущем.

– О каком ещё будущем?

– О жизни солдата, парень. Если конечно, ты не намерен провести всю оставшуюся жизнь по уши в овечьем дерьме.

Холл неуверенно посмотрел на незнакомца, силясь понять, в чем тут подвох.

– А что, если я просто ускачу на вашей лошади?

– Не ускачешь. Тебе не чуждо чувство долга – иначе ты никогда бы не впутался в эту глупую затею. И потом, на случай, если придется отправиться за тобой, у меня есть целая армия лошадей.

Незнакомец повернулся и отправился обратно в паб, оставив Холла у коновязи.

– Кто вы? – крикнул Холл ему вслед.

– Майор Бермонд с Правого Фронта. Скачи быстрее, парень. И если с моей лошадью что-то случится, я спущу с тебя твою жалкую овцелюбивую шкуру.

Проскакав всю ночь, Холл догнал груз и убедился, что Бермонд был прав: это была настоящая крепость. Солдаты обступали каждую клетку, тут и там в их рядах краснели мантии наемников Кейдена. У Холла не было меча, но и меч – он это прекрасно понимал – ему бы тут не помог. Он не мог даже подойти поближе, чтобы найти Саймона: когда парень попытался приблизиться к клеткам, один из наемников Кейдена выпустил стрелу, промахнувшись не более чем на фут. Все было, как говорил майор.

Однако он продумал нападение на поставку и то, как все закончится: ужасное будущее, которое он учуял уже во время поездки в Новый Лондон, будущее, в котором его родители смотрели на него и видели только Саймона. Лицо Холла станет для них не утешением, а лишь ужасным напоминанием. Он натянул поводья, готовясь напасть, но тут случилось нечто, чего он не мог объяснить: сквозь кучу плотно набитых пленников в шестой клетке он вдруг заметил Саймона. Клетки находились слишком далеко от Холла, чтобы что-либо разглядеть, но он видел лицо брата. Свое собственное лицо. Если он предпримет самоубийственную атаку, от Саймона ничего не останется, даже могилы. И тогда Холл понял, что дело было не в Саймоне, а в его собственном чувстве вины, его собственном горе. Эгоизм и самоуничтожение, как часто случается, шли рука об руку.

Холл повернул коня, вернулся в Новый Лондон и присоединился к тирской армии. Майор Бермонд стал его попечителем, и хотя Бермонд никогда не признавался в этом, Холл думал, что майор, должно быть, с кем-то сговорился, потому что даже пока Холл служил рядовым в пехоте, его никогда не ставили конвоировать рекрутов. Каждый месяц он отправлял часть своего заработка домой, и во время редких поездок в Идилуайлд родители удивляли его тем, что грубовато гордились сыном-солдатом. Он стремительно взлетел по карьерной лестнице, став старшим помощником генерала в тридцать один год. Работа была неблагодарной: солдатская жизнь под регентством заключалась в том, чтобы разнимать драки и охотиться на мелких преступников. Военской славы ему было не снискать. Но...

– Сэр.

Холл поднял глаза и увидел лейтенанта-полковника Блазера, своего заместителя.

– Что такое?

– Майор Кэффри подает сигнал, сэр, по вашему приказу.

– Еще пару минут.

Они двое сидели на сторожевой вышке на восточном склоне Пограничных холмов. Батальон Холла стоял здесь уже несколько недель, неустанно работая и одновременно наблюдая за темной массой, ползущей через мортийские равнины. Огромный размер мортийской армии тормозил ее продвижение, но она все равно пришла и теперь раскинула лагерь вдоль всего южного берега озера Карчмар – черный город, занимавший полгоризонта.

В подзорную трубу Холл видел всего четверых часовых, стоящих по западному краю мортийского лагеря. Они оделись так, чтобы слиться с темными илистыми солончаками, но Холл слишком хорошо знал берега этого озера, чтобы пропустить их в занимающемся рассвете. Двое даже не охраняли лагерь, задремав прямо на посту. Мортийцы беспечно отдыхали, как и следовало ожидать. В рапортах Булавы говорилось, что мортийская армия насчитывает более двадцати тысяч, а их мечи и доспехи сделаны из отличного железа с наконечниками из стали. Армия Тира была слаба по любым меркам. Вина отчасти лежала на Бермонде. Холл любил старика, как отца, но Бермонд слишком уж привык к мирной жизни. Он объезжал Тирлинг, словно фермер, проверяющий свои земли, а не как командир армии. Тирская армия была не готова к войне, но она уже стояла на пороге.

Внимание Холла вернулось, как часто случалось за последние недели, к пушкам, стоявшим в хорошо укрепленной зоне прямо в центре мортийского лагеря. Пока Холл не увидел их своими глазами, он не верил Королеве, хотя и не сомневался, что у нее было свое видение ситуации. Но теперь, когда на востоке посветлело и заблестели очертания гладких железных чудовищ, Холл почувствовал, как желудок привычно скрутило от ярости. Как и всякому человеку, ему было спокойнее с мечом в руке, но что может меч против пушек? Мортийцы пытались нарушить правила ведения войны, известные Холлу с детства.

– Отлично, – пробормотал он, убирая подзорную трубу и не подозревая, что говорит вслух. – Значит, и нам можно.

Он спустился по лестнице, Блазер последовал за ним, прыгнув за десять футов до земли, прежде чем они начали взбираться на холм. За минувшие двенадцать часов Холл бесшумно разместил более семисотлучников и пехотинцев по восточным склонам. Но после нескольких недель тяжелой физической работы его людям оказалось нелегко сохранять спокойствие и просто лежать в засаде, особенно в темноте. Но если мортийцы заметят какое-то движение на склоне, они тут же насторожатся, поэтому практически всю ночь Холл переходил от поста к посту, чтобы убедиться, что его солдаты еще не выпрыгивали из засады.

Склон становился все круче, и вот уже Холлу с Блазером пришлось цепляться за камни, скользя ногами по хвое. Оба носили толстые кожаные перчатки и поднимались предельно осторожно: местность здесь была опасная. Скалы пронизывали туннели и пещеры, в которых любили прятаться гремучие змеи.

Тысячи лет борясь за выживание в беспощадной местности, гремучие змеи стали суровыми зверюгами. Толстая кожистая шкура делала их практически неуязвимыми для огня, а клыки выделяли тщательно отмеренную дозу яда. Один неверный шаг по этому склону мог стоить жизни. Когда Холлу с Саймоном было десять, Саймон поймал змею в клетку и попытался ее приручить, но игра продолжалась меньше недели. Сколько бы Саймон ни кормил гремучника, приручить его не получалось: на каждое движение он реагировал попыткой напасть. В конце концов Холл с Саймоном отпустили змею, открыв клетку и бросившись бежать вверх по склону что было мочи. Никто не знал, сколько живут змеи: «питомец» Саймона мог быть где-то здесь, скользя в числе своих собратьев прямо за скалами.

Саймон.

Холл закрыл и снова открыл глаза. Как умный человек, он научил свое воображение не пускаться слишком далеко по Мортийской трассе, но последние несколько недель из-за раскинувшегося перед ним западного Мортмина Холл поймал себя на том, что думает о своем брате-близнеце чаще обычного: где мог быть Саймон, кто теперь им владеет, как его используют. Наверное, в качестве рабочей силы: Саймон считался одним из лучших стригалей на западном склоне. Холл твердил себе, что было бы глупо использовать такого человека для чего-либо, кроме тяжелой работы, но кто сказал, что миром правит логика? В голову периодически закрадывалась мысль, что Саймона могли заставить заниматься чем-то еще.

– Вот зараза!

Блазер тихо выругался, и Холл, придя в себя, украдкой оглянулся через плечо, чтобы убедиться, что его лейтенанта не укусили. Но Блазер лишь поскользнулся. Холл продолжил карабкаться, встряхивая головой, чтобы избавиться от нежелательных мыслей. Отправка Саймона была раной, которая и не думала заживать.

Достигнув вершины холма, Холл устремился на поляну и обнаружил там своих людей. Все как один выжидающе глядели на него. Последние месяцы они упорно работали, никто не жаловался, как обычно бывает на военной стройке, и закончили так быстро, что у Холла появилась возможность несколько раз проверить всю операцию, прежде чем мортийская армия достигла равнины. Укротитель ястребов, Джаспер, тоже ждал: двенадцать его зашоренных подопечных сидели привязанными к длинной жердочке на гребне холма. Ястребы обошлись в копейчку, но Королева внимательно выслушала просьбу и, не моргнув глазом, утвердила оплату. Холл подошел к одной из катапульти и положил руку на рычаг. Коснувшись гладкой древесины, он почувствовал прилив гордости... Полковник любил механизмы, постоянно ища, как бы сделать все на свете быстрее и лучше. В начале военной карьеры он придумал крепкий и гибкий лук, теперь горячо любимый тирскими стрелками. По ссуде на гражданское строительство он испытал и утвердил оросительную систему с насосом, которая теперь доставляла воду Кадделла к внушительному выжженному участку южного Алмонта. Но тут стояло его величайшее изобретение: пять катапульти, каждая – шестьдесят футов в длину, с толстым рычагом из тирского дуба и легчайшей чашей из сосны. Каждая могла бросить, по крайней мере, две сотни фунтов почти на четыреста ярдов по ветру. Рычаги крепились к основаниям веревкой, по обе стороны от каждого рычага стояло по солдату с топором. Заглянув в чашу первой катапульти, Холл увидел пятнадцать внушительного объема холщовых связок, обернутых тонким слоем небесно-голубой ткани. Изначально Холл планировал метать валуны, как в старину, чтобы сровнять с землей значительную часть мортийского лагеря. Но эти связки, придуманные Блазером, оказались куда лучше, хотя и стоили нескольких недель не слишком приятной работы. Ветер пошевелил верхнюю вязанку, холщовые края заколебались, и Холл попятился, подняв стиснутую руку в утренней тишине. Его воины схватили оружие и перебросили его через плечо.

Блазер начал напевать. Он всегда напевал, когда нервничал: такой уж у него был тик. Слушающий вполуха, Холл узнал мелодию «Королевы Тирлинга»: фальшиво, но узнаваемо. Песня овладела его людьми: за последние несколько недель Холл не раз ее слышал, когда они шлирули древесину или затачивали мечи.

«Мой подарок вам, королева Келси», – подумал он и махнул рукой.

Топоры вспороли воздух. По склону, нарушая утреннее спокойствие, прокатилось эхо чудовищного скрипа и хруста: рычаги катапульти осознали, что свободны. Один за другим они взмывали вверх, набирая скорость, устремляясь в небо, и Холл почувствовал, что его сердце наполнилось неподдельной радостью, никогда не исчезавшей с тех пор, как ребенком он опробовал первую ловушку на кроликов.

Мое творение! Работает!

Рычаги катапульти достигли своего предела и остановились с грохотом, эхом прокатившимся по склону. Это разбудит мортийцев, но будет слишком поздно. Вытащив трубу, Холл следил за полетом голубых вязанок, несущихся к мортийскому лагерю. Достигнув пика, они начали падать, все семьдесят пять штук; небесно-голубые парашюты раскрылись, поймав ветер, холщовая ноша невинно раскачивалась на ветру.

Теперь мортийцы зашевелились. Холл разглядел очаги активности: солдаты выскакивали с оружием из палаток, часовые отступали в лагерь, готовясь к нападению.

– Джаспер! – крикнул он. – Две минуты!

Джаспер кивнул и начал стягивать шоры со своих ястребов, угощая каждую птицу кусочком мяса. Майор Кэффри, обладающий сверхъестественным даром распознавать заслужива-

ющих доверие наемников, нашел Джаспера в деревеньке на мортийской границе три недели назад. Сейчас мортийские ястребы нравились Холлу не больше, чем в детстве, когда птиц использовали, чтобы выискивать легкую добычу над склоном, но он по-прежнему восхищался умением Джаспера обращаться со своими подопечными. Ястребы внимательно наблюдали за укротителем, задрав голову, словно собаки, ожидающие, когда хозяин бросит палку. Из мортийского лагеря донесся предупредительный крик: они заметили парашюты. Теперь, когда сопротивление ветра снизилось, они падали быстрее. Холл смотрел в подзорную трубу, считая себе под нос, когда первая вязанка исчезла за одной из палаток. Прежде чем первый вопль огласил равнину, прошло двенадцать секунд.

На лагерь опускались все новые парашюты. Один приземлился на телегу с боеприпасами, и Холл словно замороженный смотрел, как ослабли веревки. Мгновение сверток дрожал, а потом резко открылся, когда пять разъяренных змей поняли, что свободны. Их пестрые шкуры замелькали, извиваясь, по копьям и стрелам, падая с повозки и исчезая из виду. Склон огласился криками, и менее чем через минуту лагерь погрузился в полнейший хаос. Солдаты сталкивались друг с другом, полуодетые мужчины неистово махали мечами у самых своих ног. Некоторые пытались забраться повыше: на повозки, палатки и даже друг другу на спины. Но большинство бежало из лагеря, отчаянно пытаясь унести ноги куда подальше. Офицеры выкрикивали приказы, но безрезультатно: всеми завладела паника, и теперь мортийская армия утекала из лагеря во все стороны, устремляясь на запад к Пограничным холмам, или на восток и юг через равнину. Некоторые даже бездумно бросились на север, с плеском выбежав на мелководье озера Карчмар. У них не было ни доспехов, ни оружия, многие до сих пор оставались голышом. На щеках некоторых белела пена для бритья.

– Джаспер! – крикнул Холл. – Давай!

Одного за другим Джаспер подсаживал своих ястребов на толстую кожаную перчатку, покрывающую его руку от пальцев до плеча, и подбрасывал в воздух. Люди Холла с беспокойством смотрели на набирающих высоту птиц, но отлично выдрессированные ястребы не обращали никакого внимания на тирских солдат, устремляясь к мортийскому лагерю. Они пикировали прямо на разбегающихся людей, утекающих из южного и восточного концов лагеря, растопыривая когти, когда снижались, и Холл наблюдал, как первый впился в шею удирающего солдата в наполовину застегнутых штанах. Ястреб выдрал его яремную вену, приправляя утренний свет тонким кровавым туманом.

Из западной части лагеря волна за волной мортийцы бездумно неслись к деревьям у подножия холма.

Но на верхушках деревьев засели полсотни тирских лучников, и теперь мортийцы падали один за другим, а их тела, изрешеченные стрелами, вязли в грязи. Со стороны озера тоже раздались крики: решившие спрятаться в нем мужчины осознали свою ошибку и теперь спешили обратно к берегу, мыча от боли. Холл улыбнулся с оттенком ностальгии. Зайти в озеро было обрядом посвящения среди детей Идилуайлда; ноги Холла по-прежнему украшали доказывающие это шрамы.

Основная часть мортийской армии покинула лагерь. Холл бросил тоскливый взгляд на десять пушек, оставшихся без присмотра. Но теперь добраться до них не было никакой возможности: повсюду среди палаток скользили гремучие змеи, ища, где бы угнестись. Он задумался, где генерал Жено: бежал ли со своими людьми или лежал среди сотен трупов у подножия склона? Холл уважал Жено как солдата, но знал и слабости этого человека, сродни тем, которыми страдал сам Бермонд. Жено хотел воевать спокойно и рационально. Он не признавал ни исключительную храбрость, ни сокрушительную некомпетентность. Но Холл знал, что каждая армия пронизана подобными аномалиями.

– Джаспер! – крикнул он. – Твои птички на славу потрудились. Зови их обратно.

Джаспер громко, пронзительно свистнул и стал ждать, подтягивая ремни, удерживающие кожаную перчатку на предплечье. Через пару секунд ястребы полетели обратно, кружа над холмом. Джаспер периодически посвистывал, каждый раз разным тоном, и одна за другой птицы опускались и усаживались ему на предплечье, угощаясь парой кусочков кролика в награду, прежде чем вновь получить шоры и вернуться на жердочку.

– Отзывай лучников, – приказал Холл Блазеру. – И найди Эммета. Пусть пошлет гонцов к генералу и Королеве.

– С каким донесением, сэр?

– Передай им, что я выиграл для нас время. По крайней мере, две недели, пока мортийская армия не перегруппируется.

Блазер ушел, и Холл снова повернулся к озеру Карчмар: в лучах восходящего солнца водная гладь слепила красным огнем. Зрелище, в детстве обычно наполнявшее его сердце мечтами, теперь показалось ужасным предостережением. Да, мортийцы разбежались, но ненадолго, а стоит людям Холла отдать восточный склон, как не останется ничего, что удержит мортийскую армию от уничтожения старательно выстроенных рубежей обороны Бермонда. Прямо за холмами начинается Алмонтская равнина: тысячи квадратных миль плоской земли с небольшой возможностью для маневра, с незащищенными обособленными хуторами и деревеньками. Мортийцы в четыре раза превосходили числом, в два – качеством оружия, и если они спустятся к Алмонту, эндшпиль может быть только один: резня.

* * *

Вот уже несколько лет Ивен служил хранителем тюрьмы: с тех пор, как его отец вышел в отставку, за все это время у него не было ни одного заключенного, которого он признал бы поистине опасным. Большинство из них оказывались людьми, не согласными с Регентом. Они, как правило, попадали в темницу слишком голодными, избитыми и негодились ни на что, кроме как дотащиться до камеры и упасть. Некоторые из них умерли, несмотря на заботу Ивена, хотя Па говорил, что в том нет его вины. Ивену не нравилось находить на койках их холодные тела, но Регента, казалось, это совершенно не волновало. Однажды ночью Регент даже приволок в подземелья одну из своих женщин: красивую, словно из папиной сказки, рыжеволосую леди. На шее у нее красовалась веревка. Регент сам отвел ее в камеру, всю дорогу понося на чем свет стоит, и прорычал Ивену: «Ни еды, ни воды! Она не выйдет, пока я не скажу!»

Ивену не нравилось держать в темнице женщину. Она не говорила и даже не плакала, только безразлично смотрела на стену своей камеры. Не подчинившись приказам Регента, Ивен дал ей еды и воды, внимательно следя за временем. Увидев, что веревка на шее причиняет ей боль, он, не выдержав, зашел в камеру и ослабил удавку. Хотел бы он быть врачом, способным исцелить кольцо ободранной красной плоти на ее горле, но Па научил его лишь основам первой помощи при порезах и тому подобном. Па всегда терпимо относился к медлительности Ивена, даже когда из-за нее случалась беда. Но для того, чтобы в течение ночи не дать женщине умереть, не требовалось большого ума, а Па разочаровался бы, потерпи Ивен неудачу. Когда на следующий день Регент пришел забрать женщину, Ивен испытал небывалое облегчение. Регент попросил у нее извинений, но женщина вылетела из темницы, не удостоив его даже взглядом.

С тех пор, как трон заняла новая Королева, у Ивена было не слишком много работы. Королева освободила всех заключенных Регента, что смутило Ивена. Но Па объяснил, что Регент отправлял людей в тюрьму, если они говорили то, что ему не нравилось, а Королева – только за плохие поступки. Па сказал, что это разумно, и, как следует пораскинув мозгами, Ивен пришел к выводу, что он прав.

Двадцать семь дней назад (Ивен отметил это в книге) трое королевских стражников ворвались в подземелье. Они вели связанного пленника, седовласого мужчину. Он выглядел очень усталым, но – благодарно отметил Ивен – невредимым. Они даже не спросили у Ивена разрешения, прежде чем поволокли заключенного в третью камеру, но Ивен не возражал. Раньше он никогда не видел королевских стражников так близко, но слышал о них от Па: они защищали Королеву от опасности. Эта работа казалась Ивену самой прекрасной и важной в мире. Он радовался тому, что служит главным тюремщиком, но, родись он поумнее, больше всего на свете Ивен хотел бы стать одним из этих высоких крепких мужчин в серых мантиях.

– Обращайся с ним хорошо, – распорядился командир с ярко-рыжими волосами. – Приказ Королевы.

Хотя волосы стражника его восхитили, Ивен старался на них не пялиться, потому что сам не любил, когда на него пялятся. Он запер камеру, отметив, что заключенный уже лег на койку и закрыл глаза.

– Как его имя и в чем его преступление, сэр? Я должен записать в книгу.

– Жавель. Преступление – предатель.

Мгновение рыжеволосый начальник смотрел через прутья камеры, а потом покачал головой. Ивен наблюдал, как мужчины топают к лестнице, их голоса плыли за ними по коридору.

– Я бы перерезал ему горло.

– Думаете, он в безопасности с этим тупицей?

– Это между Королевой и Булавой.

– Он знает свою работу. Отсюда еще никто никогда не убежал.

– И все же вечно держать в тюремщиках идиота...

Ивен вздрогнул. Раньше, пока он не стал таким здоровенным, его величали так плохие парни, и он научился не обращать на это слово внимания, но услышать его от королевского стражника оказалось гораздо обидней. И теперь в его голове появились мысли о чем-то новом и ужасном: об угрозе замены. Когда Па собрался на пенсию, он пошел прямо к Регенту, чтобы убедиться, что Ивен может остаться. Но Ивен не был уверен, что Па разговаривал с Королевой.

Новый заключенный, Жавель, оказался самым легким на памяти Ивена. Он почти не говорил: всего пару слов, чтобы сообщить Ивену, что поел, хотел пить или просил опустошить нужник. На какое-то время Ивен даже забыл о Жавеле, думая только о том, что может лишиться работы. Что он будет делать, если это произойдет? Он даже не мог заставить себя рассказать Па, как королевские стражники его обозвали. Он не хотел, чтобы Па знал.

Через пять дней после появления Жавеля по тюремной лестнице протопало еще трое королевских стражников. Один из них был Лазарем Булавой, о котором знал даже Ивен, редко покидающий свои камеры. Ивен слышал от Па множество историй о Булаве. Тот утверждал, что Булава феерожденный и его не может удержать ни одна камера. («Кошмар тюремщика, Ив!» – восклицал Па, потягивая чаек.) Если остальные королевские стражники казались внушительными, Булава был в десять раз внушительнее, и Ивен подошел рассмотреть его настолько близко, насколько осмеливался. Начальник Стражи в его подземелье! Ивену уже не терпелось рассказать Па.

Двое других стражников несли заключенного, словно мешок с зерном, и когда Ивен открыл первую камеру, бросили мужчину на койку. Как показалось Ивену, Булава смотрел на заключенного ужасно долго. Наконец, он выпрямился, прочистил горло и плюнул: внушительный сгусток желтой слизи приземлился заключенному на щеку.

Ивен подумал, что это плохо: какое бы преступление ни совершил этот человек, несомненно, он уже достаточно натерпелся. Он был жалким, щуплым существом, голодным и страдающим от жажды. Грязь запеклась в толстых рубцах, покрывавших ноги и туловище. Другие рубцы – темно-красные – пересекали запястья. С головы были выдраны внушительные клочки

волос: на их месте остались заплатки покрытой струпьями плоти. Ивен не мог вообразить, что с ним стряслось.

Булава повернулся к Ивену, щелкнув пальцами:

– Тюремщик!

Ивен шагнул вперед, стараясь казаться как можно выше. Па выбрал Ивена в ученики, хотя его братья были куда умнее, именно по этой причине: Ивен был крупный и сильный. Но он все равно доставал Булаве только до носа. Он подумал, знает ли Булава, что он медлительный.

– Смотри за ним в оба, тюремщик. Никаких посетителей. Никаких прогулок. Ничего.

– Да, сэр, – выпучив глаза, ответил Ивен, глядя на покидающих тюрьму стражников.

На этот раз его никто не обозвал, но только когда они ушли, Ивен понял, что забыл спросить, как мужчину зовут и в чем его преступление, чтобы записать в книгу. Дурак! Булава, несомненно, подмечает такие проступки.

На следующий день зашел Па. Ивен, как умел, vyhаживал нового заключенного, однако залечить его раны могло только время или магия. Но, бросив лишь один взгляд на мужчину на койке, Па плюнул, прямо как Булава.

– Не вздумай лечить эту сволочь, Ив.

– Кто он такой?

– Плотник. – Лысина Па сверкала даже в тусклом свете факела, и Ивен с некоторым беспокойством отметил, что кожа на его лбу истончилась, словно полотно. Ивен понимал, что даже Па однажды умрет, хоть и отгонял эту мысль в самые глубокие и темные уголки подсознания. – Строитель.

– И что же он строит, Па?

– Камеры, – коротко ответил Па. – Будь предельно осторожен, Ив.

Ивен смущенно огляделся. В подземелье было полно камер. Но, похоже, Па не хотел об этом говорить, поэтому Ивен «убрал» его слова в подсознание, к другим тайнам, которые не понимал. Время от времени, когда он и не старался, Ивену удавалось разгадать тайну, и это было прекрасное и необыкновенное чувство. И ему думалось, что, наверное, так чувствуют себя парящие в небе птицы. Но сколько бы он ни пялился на человека в камере, никаких ответов на ум не приходило.

После случившегося Ивен полагал, что теперь готов к любому гостю в своем подземелье. Как оказалось, он ошибался. Два дня назад в подземелье ворвались два человека в черной форме тирской армии, волоча за собой женщину. Новая узница не походила на содержанку, как та регентская рыжеволосая: она плевалась и пиналась, ругая на чем свет стоит волокущих ее мужчин. Ивен никогда не видел никого подобного. Женщина казалась белой с головы до пят, словно из ее тела ушли все краски. Волосы были выцветшими, словно солома, долго пролежавшая на солнце. Даже платье, некогда светло-голубое, как показалось Ивену, теперь было белым. Она выглядела, словно призрак. Солдаты пытались затолкать ее во вторую камеру, но она вцепилась в решетку и повисла на ней.

– Не усложняй то, что и так непросто, – выдохнул высокий солдат.

– Отлезь, хромая креветка!

Солдат терпеливо давил женщине на руки, пытаясь разогнуть пальцы, пока второй тянул ее в камеру. Ивен попятился, не уверенный, стоит ли ввязываться. Женщина посмотрела на него, и внутри Ивена все похолодело. Ее глаза были обведены розовым, но глубоко в центре оказались голубыми, да такими светлыми, что сверкали, словно лед. Ивен увидел в них что-то ужасное, животное, нездоровое. Женщина открыла рот, и Ивен догадался, что она скажет, прежде чем она заговорила.

– Я все про тебя знаю, мальчишка. Ты слабоумный.

– Помоги, ради всего святого! – рявкнул один из солдат.

Ивен прыгнул вперед. Ему не хотелось прикасаться к женщине-призраку, поэтому он вцепился в ее платье и принялся тащить назад. Взявшись за ее пальцы вдвоем, солдаты наконец отодрали узницу от решетки и швырнули в клетку, где она врезалась в койку и повалилась на пол. Ивен едва успел запереть камеру, прежде чем женщина бросилась на решетку, изрыгая на них троих ругательства.

– Боже, ну и работенка, – пробормотал один солдат, вытирая лоб с похожей на маленький гриб родинкой. – Однако теперь она не доставит тебе много хлопот. Слепая, что твоя мышь.

– Но смотри в оба, когда сова выйдет на охоту, – заметил второй, и они засмеялись.

– Как ее зовут и в чем ее преступление?

– Бренна. Ее преступление... – солдат с родинкой взглянул на своего друга. – Трудно сказать. Наверное, измена.

Ивен записал преступление в книгу, и солдаты покинули подземелье, радуясь, что разделались с неприятной работой. Они называли женщину-призрака слепой, но Ивен скоро обнаружил, что это не так. Когда он пошел, она повернула голову, и ее розово-голубые глаза последовали за ним по подземелью. Подняв взгляд, он обнаружил, что она уставилась на него, а ее рот растянулся в ужасной улыбке. Обычно Ивен приносил еду своим заключенным прямо в камеру, ибо был слишком большим, чтобы его одолел безоружный. Теперь Ивен радовался маленькой дверке в передней части камеры, через которую передавал женщине подносы с едой. Ему нравилось, что их разделяют прутья. Вторая камера была лучшей камерой для опасных заключенных, поскольку располагалась прямо перед камеркой самого Ивена, а спал он очень чутко. Но теперь, когда пришло время спать, он обнаружил, что под этим ужасным взглядом сон к нему не идет. В конце концов, Ивен отодвинул свою койку в угол, чтобы дверной проем закрывал обзор. И все равно он чувствовал женщину, не смыкавшую глаз, зловедную даже во тьме, и несколько следующих ночей спал беспокойно, поминутно просыпаясь. Этим вечером, поужинав и проверив пустующие камеры на крыс и гниль (он ничего не обнаружил, потому что каждый день тщательно чистил свой тюремный корпус), Ивен уселся со своими рисунками. Он постоянно пытался нарисовать, что увидел, но никогда не выходило. Казалось, чего уж проще, стоит только вооружиться хорошей бумагой, красками и кисточками – Па как раз подарил их на последний день рождения, – но картинки пропадали где-то между воображением и бумагой. Ивен не понимал, почему так происходило, но ничего не мог поделать. Он как раз пытался нарисовать Жавеля, заключенного из третьей камеры, когда распахнулась дверь на верхней ступеньке лестницы.

Сперва Ивен перепугался: подумал, что это побег. Па предупреждал его о побегах, худшем позоре, что мог выпасть на долю тюремщика. Наверху, за дверью, стояли двое солдат, но здесь, внизу, Ивен был совсем один. И он понятия не имел, что делать, если кто-нибудь сюда ворвется. Он схватил лежащий на столе нож. Но за грохотом дверей последовало множество голосов и шагов, таких неожиданных звуков, что Ивен мог только сидеть за столом и ждать, кто же спустится по коридору. Через несколько секунд в подземелье вошла женщина: высокая леди с короткими каштановыми волосами и серебряной короной на голове. На шее женщины на сверкающей серебряной цепочке висело два превосходных голубых камня, ее окружало пятеро королевских стражников. Постояв пару мгновений столбом, Ивен бросился к ее ногам: Королева!

Сперва она подошла к третьей камере.

– Как ты, Жавель?

Мужчина на койке посмотрел на нее пустыми глазами.

– В порядке, Ваше Величество.

– Больше нечего сказать?

– Нечего.

Королева положила руки на бедра и фыркнула – этот звук разочарования Ивен узнал от Па, – потом прошествовала к первой камере, где лежал раненый мужчина.

– Что за жалкое существо?

Булава рассмеялся.

– Жертва грубого обращения, госпожа. Может, даже грубее, чем я сам мог бы придумать. Селяне взяли его на Склоне Девина, когда он пытался выменять столярные инструменты на еду. Привязали его к повозке, направляющейся в Новый Лондон, а когда он, в конце концов, рухнул, так и протащили весь остаток пути.

– Ты заплатил этим селянам?

– Все две сотни, Ваше Величество. Счастливый подвернулся случай: мы нуждаемся в верности этих пограничных деревушек, а на тех деньгах Склон Девина, вероятно, продержится целый год. Со звонкой монетой у них там туговато.

Королева кивнула. Она не походила на королев из историй Па, которые всегда были нежными, красивыми женщинами, вроде рыжеволосой Регента. Эта женщина выглядела... сильной. Может, из-за коротких, как у мужчины, волос, или из-за того, как она стояла: расставив ноги и нетерпеливо постукивая рукой по бедру. Ивену в голову пришла любимая фраза Па: ей палец в рот не клади.

– Эй! Баннакер! – Королева щелкнула пальцами человеку на койке.

Узник застонал, прикрыв ладонями голову. Рубцы на его руках начали покрываться струпами и заживать, но он по-прежнему казался очень слабым, и, вопреки сказанному Па, Ивен почувствовал жалость.

– Бросьте, госпожа, – сказал Булава. – Пока вы ничего от него не добьетесь. От путешествия вроде этого мозг может и повредиться.

Королева окинула взглядом темницу, и ее глубокие зеленые глаза нашли вытянувшегося по струнке Ивена.

– Ты тюремщик?

– Да, Ваше Величество. Ивен.

– Открой эту камеру.

Ивен шагнул вперед, перебирая ключи на поясе, радуясь, что Па их надписал, поэтому он с легкостью нашел ключ с большой цифрой 2. Он не хотел заставлять эту женщину ждать. Раз в месяц он смазывал замки, как советовал Па, и теперь радовался тому, как плавно, без скрипа и помех, повернулся ключ. Ивен отступил, и Королева с несколькими стражниками вошла внутрь. Она повернулась к одному из них, огромному мужчине с некрасивыми кривыми зубами.

– Подними его.

Крупный стражник поднял заключенного с койки и, схватив за шею, свесил прямо над землей. Королева шлепнула мужчину по лицу.

– Вы Лиам Баннакер?

– Я, – булькнул узник низким, густым голосом. Из носа у него начала сочиться кровь, и Ивена передернуло от этого зрелища. Почему они такие жестокие?

– Где Арлен Торн?

– Не знаю.

С губ королевы слетело ругательство – однажды Па наподдал Ивену, когда тот его повторил, – и Булава вмешался:

– Кто помогал тебе строить камеры?

– Никто.

Булава повернулся к Королеве, и Ивен зачарованно наблюдал, как на одно долгое мгновение они закрыли глаза. Они разговаривали друг с другом... разговаривали, не открывая ртов!

– Нет, – наконец пробормотала Королева. – Мы не будем начинать сейчас.

– Госпожа...

– Я не сказала никогда, Лазарь. Но не ради таких мизерных шансов на победу, как этот.

Она вышла из камеры, махнув стражникам следовать за ней. Крупный стражник свалил узника обратно на койку, и он хрипло, как гармошка, задышал. Ивен, чувствуя на себе оценивающий взгляд Булавы, запер камеру, едва тот вышел.

– А вы, – заметила Королева, переводя взгляд на женщину из второй камеры. – Вы – настоящий подарок судьбы.

Женщина-призрак хихикнула, словно по стеклу провели гвоздем. Ивену захотелось прикрыть уши руками. Узница усмехнулась Королеве, обнажая гнилые нижние зубы.

– Когда придет мой хозяин, он накажет тебя за то, что разлучила нас.

– Почему ты называешь его хозяином? – спросила Королева. – Что вообще он для тебя сделал?

– Он спас меня.

– Тебя одурачили. Он бросил тебя, чтобы спасти свою шкуру. Ты лишь товар работорогца.

Женщина подлетела к решетке, всплеснув руками, словно запертая в клетке птица – крыльями. Даже Булава отшатнулся. Но Королева двинулась вперед, пока не оказалась в нескольких дюймах от решетки, так близко, что Ивену захотелось закричать.

– Посмотри на меня, Бренна.

Женщина-призрак подняла взгляд, на ее лице отразилась мука, словно она хотела, но не могла отвести глаза.

– Ты права, – прошептала Королева. – Твой хозяин придет. И когда он это сделает, я схвачу его.

– Моя магия его защитит.

– Я и сама владею магией, дорогуша. Разве ты не чувствуешь?

Лицо Бренны исказилось от внезапной боли.

– Я повешу труп твоего хозяина на стенах своей Цитадели. Ясно?

– Ты не сможешь! – завывала женщина-призрак. – Не сможешь!

– Забава для стервятников, – спокойно продолжила Королева. – Ты не можешь защитить его. Ты – всего лишь наживка.

Женщина-призрак яростно завизжала: то был высокий невыносимый звук, похожий на крик хищной птицы.

Ивен зажал уши и увидел, что несколько королевских стражников поступили так же.

– Тихо, – приказала Королева, и крик оборвался так же внезапно, как и начался.

Женщина уставилась на Королеву, розовые глаза выпучились от страха, когда она забилась на свою койку.

Королева повернулась к Ивену:

– Относись ко всем этим заключенным гуманно.

Ивен закусил губу:

– Я не знаю этого слова, Ваше Величество.

– Гуманно, – нетерпеливо повторила Королева. – Вдоволь еды, воды и одежды, не бить. Чтобы спали.

– Ну, Ваше Величество, трудновато заставить человека, если он не спит.

Нахмурившись, Королева устремила на него тяжелый взгляд, и Ивен понял, что ляпнул что-то не то. Когда Па служил тюремщиком, а он – всего лишь помощником, было куда проще. Па всегда вмешивался, когда Ивен чего-то не понимал. Он уже хотел извиниться – с этим лучше поспешить, прежде чем кто-либо совсем не разозлится, – когда морщины на лбу Королевы вдруг разгладились.

– Ты здесь один, Ивен?

– Да, Ваше Величество, с тех пор, как Па на пенсии. Артрит его совсем измучил.

– Здесь очень чисто.

– Спасибо, Ваше Величество, – улыбаясь, ответил он, потому что она была первым человеком, кроме Па, кто это заметил. – Я каждый день убираюсь.

– Скучаешь без Па?

Ивен моргнул: она что, хочет от него избавиться? Регент обожал так поступать, а его стражники – еще сильнее. Ивен научился читать это на их лицах: вкрадчивая подлость, притаившаяся, но никуда не исчезающая. Лицо королевы было суровым, но не злобным, поэтому Ивен ответил честно:

– Да. Я многого не понимаю, а Па всегда мне все объяснял.

– Но тебе нравится здесь работать.

Ивен посмотрел в пол, думая о стражнике, который назвал его идиотом.

– Да.

Королева поманила его ко второй камере.

– Может, эта женщина и не выглядит опасной, но она опасна. А еще она очень важна. Сможешь каждый день за ней присматривать и не дать ей себя перехитрить?

Ивен уставился на женщину-призрака. Конечно, крупных и крепких заключенных содержали в подземелье. Некоторые из них пытались обмануть Ивена, притворяясь больными, предлагая денег, умоляя одолжить меч. Женщина-призрак уставилась на Королеву, ее глаза так и сверкали от ненависти, и Ивен понял, что Королева права: эта женщина – непростая заключенная, она хитра и быстра.

Но я тоже могу быть умным.

– Уверена: можешь, – ответила Королева, и Ивен подскочил: он-то ничего не сказал. Он повернулся и увидел нечто, из-за чего его челюсть отвисла от удивления: голубые драгоценности на шее Королевы искрились, ярко сверкая в свете факела.

– Раз в неделю, – продолжила Королева, – будешь подавать мне отчет об этих трех заключенных. Если потребуется, делай заметки.

Ивен кивнул, радуясь, что Королева не сомневается: он может писать и читать. Обычно люди думали, что он не умел, но Па научил его, так что он мог вести книгу.

– Ты знаешь, что такое страдание, Ивен?

– Да, Ваше Величество.

– За этими узниками стоит еще один человек: высокий, болезненно-худой мужчина с ярко-голубыми глазами. Этот человек – поверенный страдания, и я хочу взять его живым. Если увидишь его, тут же сообщи Лазарю. Понимаешь?

Ивен снова кивнул, в голове уже сложилась законченная картинка. Он видел этого «поверенного» прямо сейчас: похожая на пугало фигура с глазами, словно большие голубые лампы. Ему даже захотелось попробовать его нарисовать. Королева протянула руку, и через мгновение Ивен понял, что ему нужно пожать ее. Стражники напряглись, некоторые потянулись к мечам, поэтому Ивен очень осторожно протянул руку и позволил Королеве ее потрясти. Королева не носила колец, и Ивен этому удивился. Он задумался, что скажет Па, когда услышит, что его сын встретился с Королевой и она оказалась совсем не такой, как он представлял.

Ивен так и стоял у камер, посматривая на заключенных и Королеву, когда пятеро стражников окружили ее и, словно волна, повлекли прочь: по коридору, вверх по ступенькам, из его подземелья.

* * *

Келси Глинн была вспыльчива, и она этим не гордилась. Келси ненавидела себя, когда гневалась, потому что даже когда ее сердце колотилось и густая завеса бешенства застилала

глаза, она по-прежнему ясно видела прямую дорожку от неконтролируемого гнева к саморазрушению. Гнев затуманивал разум, потворствуя принятию неверных решений. Гнев можно простить ребенку, но не королеве. Карлин множество раз указывала ей на это, и Келси прислушивалась. Но даже слова Карлин не имели никакого веса, когда Келси захлестывала ярость: эта волна сметала все препятствия. И Келси знала, что, хотя гнев ее разрушителен, он чист и близок той девушке, какой она была в глубине души. Она скрывалась за всем тем самообладанием, что прививалось ей с самого рождения. Она родилась сердитой и часто задавалась вопросом, каково это – излить свой гнев, отбросить притворство и стать самой собой.

Сейчас Келси очень старалась сдерживать свой гнев, но с каждым словом человека, сидевшего через стол, темная вода перед плотиной подступала все выше. Подле нее сидели Булава и Пэн, чуть дальше Арлисс и отец Тайлер. Но Келси не видела никого, кроме генерала Бермонда на противоположном конце стола. Перед ним лежал железный шлем, увенчанный нелепым голубым пером. Бермонд, только что прибывший с фронта, был во всеоружии.

– Нам не хотелось бы растягивать армию, Ваше Величество. Этот план – пустое растрачивание ресурсов.

– С вами и здесь придется сражаться, генерал?

Он покачал головой, упрямо цепляясь за свою точку зрения.

– Вы можете защитить свое королевство, Ваше Величество, или свой народ. У вас не получится спасти и то, и другое.

– Люди важнее земли.

– Замечательное высказывание, Ваше Величество, но слабая военная стратегия.

– Вы же знаете, что пережил этот народ во время последнего вторжения.

– Лучше, чем вы, Ваша Величество, ибо вы тогда еще даже не родились. Кадделл тек красным. Повальная резня.

– И повальные изнасилования.

– Насилие – орудие войны. Женщины пережили это.

– О Боже, – вздохнул Булава, положив руку Келси на плечо, удерживая. Она виновато вздрогнула – Булава ее подловил. Да, генерал Бермонд стар и хром, но ей все равно хотелось стащить его с кресла и дать несколько хороших увесистых пинков. Сделав глубокий вдох, она осторожно проговорила:

– Мужчин насиловали наравне с женщинами, генерал.

Бермонд раздосадованно нахмурился.

– Недостоверная информация, Ваша Величество.

Встретившись взглядом с отцом Тайлером, Кейси заметила, как он слегка покачал головой. Никто не хотел говорить об этой стороне последнего вторжения даже двадцать лет спустя, но Арват получил множество недвусмысленных сообщений от местных приходских священников, единственных обозревателей достоверной хроники вторжения. Насилие было оружием войны, и мортирцы не делали различий между мужчинами и женщинами. Келси вдруг пожалела, что полковник Холл не принимал участие в этом совете. Он не всегда с нею соглашался, но, по крайней мере, умел рассмотреть вопрос со всех сторон, в отличие от генерала с давным-давно заостренным разумом. Но несколько дней назад мортирская армия достигла границы, и Холл никак не мог покинуть передовую.

– Мы уходим от темы, – заметил Арлисс.

– Согласна, – Келси повернулась к Бермонду. – Мы должны защитить наш народ.

– Непременно, Ваше Величество: постройте лагерь для беженцев и принимайте всех бродяг. Но не отвлекайте моих солдат от более важных дел. Тот, кто хочет вашей защиты, может сам найти дорогу в город.

– Это опасное путешествие, если предпринимать его в одиночку, особенно с маленькими детьми. Первая волна беженцев едва ли покинула холмы, а мы уже получаем сообщения о

преследовании и насилии в пути. Если это единственный вариант, который мы предлагаем, многие из них предпочтут остаться в своих деревнях, даже когда подойдет мортийская армия.

– Тогда это их выбор, Ваше Величество.

Плотина в голове Келси содрогнулась, ее фундамент «просел».

– Вы действительно не знаете, какое решение правильное, генерал, или просто притворяетесь, потому что так легче всего?

Бермонд покраснел.

– Здесь не одно правильное решение.

– Не думаю. Здесь мужчины, женщины и дети, которые не занимались ничем, кроме фермерства. Оружие у них деревянное, если оно вообще есть. Вторжение выльется в бойню.

– Точно. И лучший способ их защитить – это не пропустить мортийскую армию в королевство.

– Вы действительно верите, что тирская армия может удержать границу?

– Конечно, Ваше Величество. Верить в иное – измена.

Келси прикусила щеку, не в силах поверить в когнитивный диссонанс, скрытый в подобном заявлении. С границы приходили доклады Холла, точные, словно часы, и мрачные, словно погибель, но Келси и без Холла представляла истинное положение дел. Тирской армии в жизни не выстоять против того, что надвигалось на них. На прошлой неделе Келси снова было видение, теперь еще четче: западный Алмонт, покрытый морем черных палаток и солдат. Девушка, воспитанная Карлин Глинн, никогда бы не поверила в видения, но мир Келси расширился далеко за пределы библиотеки Карлин. Мортийцы придут, и тирская армия не сможет их остановить. Все, на что они могли рассчитывать, так это их замедлить.

Арлисс снова заговорил.

– Тирская пехота в плохой форме, Ваше Величество. У нас уже есть отчеты, что оловянное оружие разрушается из-за неправильного хранения. Есть проблемы и с боевым духом.

Бермонд, кипя от ярости, повернулся к нему:

– Завел шпионов в моей армии?

– А мне и шпионов не надо, – прохладно ответил Арлисс. – Все, что я говорю, – общеизвестный факт.

Бермонд с трудом проглотил свой гнев.

– Тогда тем более, Ваше Величество, мы должны потратить оставшееся время на подготовку и снабжение.

– Нет, генерал. – Как всегда, решение пришло к Келси внезапно, потому что оно было единственным, что позволило бы ей спать по ночам. – Мы используем его на то, что важнее всего: на эвакуацию.

– Я отказываюсь, Ваше Величество.

– В самом деле? – гнев Келси достиг пика, вспениваясь, словно волна. Это было прекрасное чувство, но как всегда вмешался отвратительный голос здравого смысла. Она не могла потерять Бермонда: слишком много вояк старой гвардии слепо верили его руководству. Королева заставила себя учтиво улыбнуться. – Тогда я отстраню вас от командования.

– Вы не можете!

– Еще как могу. У вас есть полковник, готовый принять командование на себя. Он более чем способен и, конечно, смотрит на вещи куда трезвее, чем вы.

– Моя армия не последует за Холлом. Пока нет.

– Зато последует за мной.

– Ерунда. – Но Бермонд все же отвел взгляд. Значит, и до него дошли слухи.

Не прошло и месяца с тех пор, как Келси и ее Стража вернулись с Аргосского перевала, но теперь авторитетное мнение гласило, что Королева обрушила на предателей Арлена Торна титанический поток, смывший их всех. Это стало любимой байкой сказителей в пабах и на

рынках Нового Лондона, и для безопасности Келси она была просто чудом. Больше никто не пытался проникнуть в Цитадель, о чем Булава сообщил Келси чуть ли не с сожалением. Аргосский инцидент резко изменил политическую обстановку, и Бермонд это знал. Келси наклонилась вперед, чуя кровь.

– Вы в самом деле думаете, что ваша армия отвергнет меня, Бермонд? Ради вас?

– Конечно. Мои люди мне преданы.

– Было бы жаль поставить эту преданность на карту и проиграть. Не проще ли просто помочь мне с эвакуацией?

В глазах Бермонда читалась ярость, но Келси с радостью наблюдала, что она ослабевает, и впервые после начала встречи почувствовала, что и ее гнев немного ослаб.

– Одно дело лагерь, Ваше Величество, но что вы будете делать, когда придет мортийская армия? Город уже переполнен. Там просто нет места полумиллиону новых людей.

Келси была бы рада иметь готовый ответ, но у этой задачи не было простого решения. Новый Лондон действительно был перенаселен: воды не хватало, зато нечистот – хоть отбавляй. Исторически сложилось так, что если болезнь вспыхивала в наиболее густонаселенных частях города, ее было практически невозможно сдержать. Население удвоится, и проблема станет расти как снежный ком. Келси планировала открыть Цитадель для семей фермеров, но и огромная Цитадель могла вместить лишь четверть беженцев. Куда она денет остальных?

– Новый Лондон не ваша забота, генерал. Лазарь и Арлисс подготовятся к осаде. Побеспокойтесь об остальном королевстве.

– Я беспокоюсь, Ваше Величество. Вы открыли ящик Пандоры.

Келси не позволила себе измениться в лице, но удовлетворение в глазах Бермонда сказало ей, что генерал знает: он попал в яблочко. Келси отворила дверь хаосу, и хотя она убеждала себя, что выбора не было, ночами ее терзала уверенность, что другой вариант все-таки был. Существовал какой-то способ обойтись без эвакуации и при этом не допустить резни, и будь она чуть поумнее, она бы нашла его. Королева медленно выдохнула.

– Не будем искать виноватых, генерал: что сделано, то сделано. Ваша задача помочь мне минимизировать ущерб.

– Попытаться запрудить Океан Господень, Ваше Величество?

– Именно, генерал. – Она улыбнулась ему, так по-звериному, что Бермонд отпрянул в своем кресле.

– Первая волна беженцев доберется до Алмонта завтра. Дайте им несколько стражников, а затем начинайте продвигать остальных. Я хочу, чтобы в этих деревнях никого не осталось.

– И что произойдет, если мое войско настолько слабо, как вы о нем думаете, Ваше Величество? Мортийская армия сровняет Новый Лондон с землей, прямо как во времена вашей матери. Мортийские солдаты получают жалование, но это гроши: они наживаются за счет грабежа, а уж здесь найдется, чем поживиться. Если у меня не получится помешать им прорваться через границу, неужели вы думаете, что сможете спасти город?

У Келси что-то случилось с глазами – их словно бы заволочло густое облако, легкое по краям и плотное по центру. Это ее сапфиры? Нет, они молчали несколько недель и теперь висели на груди, темные и тихие. Келси быстро моргала, пытаясь избавиться от наваждения: сейчас нельзя дать слабину перед Бермондом.

– Я очень надеюсь на помощь, – сказала она ему. – Я открыла переговоры с Кадаром.

– И что это даст?

– Возможно, Король поможет нам с войсками?

– Пустые надежды, госпожа. Кадар всегда держится в стороне.

– Да, но я рассматриваю все варианты.

– Госпожа? – тихо позвал Пэн. – Все хорошо?

– Я в порядке, – пробормотала Келси, хотя пятна перед глазами уже пустились в пляс. Ей нездоровилось, но не признаваться же в этом в присутствии Бермонда. Она встала, вцепившись в стол, чтобы не потерять равновесие.

– Госпожа?

– Я в порядке, – повторила она, трясая головой, пытаясь прогнать дурноту.

– Что с ней? – спросил Бермонд, но его голос уже померк. Все вокруг вдруг запахло дождем. Келси сжала стол, почувствовав, как гладкое полированное дерево скользит под пальцами.

– Держи ее! – крикнул Булава. – Сейчас упадет!

Она почувствовала, как рука Пэна легла ей на талию, прикосновение было непрошеным, так что она стряхнула его ладонь. Перед глазами все расплылось, и она мельком увидела незнакомую обстановку: небольшое помещение и серое, грозное небо. Она в панике крепко зажмурилась, а потом снова открыла глаза, ища приемный зал, стражников, что угодно привычное. Но ничего не видела. Булава, Пэн, Бермонд... все они исчезли.

Глава 2

Лили

*– Это просто переход, – изрек мистер Микобер, поигрывая
моноклем. – Просто переход. Расстояние весьма иллюзорно.
«Дэвид Копперфильд», Чарльз Диккенс
(предпереходный англ.)*

Ее взору открылся глубокий серый мир, грозовые тучи определенно предвещали дождь. Вдалеке, сквозь лобовое стекло, она видела мрачное небо, на фоне которого властно возвышались темно-серые силуэты.

Манхэттен.

На мосту машину тряхнуло на ухабе, и Лили раздраженно выглянула в окно. За их семейный бюджет отвечал Грег, но Лили слышала, как он говорил Джиму Хендерсону, что каждый месяц отваливает приличные деньги за право пользоваться мостом. Взамен дорожной службе не помешало бы следить за покрытием. Но качество их работы оставляло желать лучшего, и последнее время Лили замечала ухабы и выбоины, которые ремонтировались все медленнее и медленнее. Однако этот маршрут шел в обход общественного моста, а их «Лексус» так и просился, чтобы его угнали на общественной дороге. Безопасность регулярно патрулировала мост и соединительные дороги, и офицеры появлялись в мгновение ока, если Джонатан нажимал тревожную кнопку. Несколько выбоин были небольшой платой за безопасность.

Мост закончился, и Лили с нетерпением выглянула в окно – высокие стены сузились до низкого заборчика. Она выезжала в город все реже и реже, и каждый раз возникало ощущение, что становилось хуже, но ей по-прежнему нравилось сюда наведываться. У нее был прекрасный дом в Нью-Ханаане: величественный особняк в колониальном стиле с белыми колоннами, как и у всех ее друзей. Но даже целый город может надоесть, когда все одинаковое. Собираясь в редкие поездки за стену, Лили одевалась тщательнее, чем на собственные вечеринки: опасно или нет, эта вылазка всегда казалась событием.

Глядя через край придорожного барьера, она мельком увидела трущобы, увешанные мусорными мешками, призванными защитить от надвигающегося дождя. Бесформенные, беспомощные люди жались к стенам и прятались под выступами. Впервые Грег привез Лили в Нью-Йорк сразу после свадьбы, большинство зданий уже стояли пустыми, окна прикрывали таблички «Сдается». Теперь скваттеры сорвали даже таблички, и заброшенных зданий стало столько, что Безопасность едва ли возилась с центром города. Из-за выбитых окон дома казались пустыми, но это было не так: Лили содрогнулась от мысли о том, что происходит внутри. Наркотики, преступность, проституция... а еще она прочитала в Интернете, что спящих частенько убивали ради органов. За стеной правила не работали. О безопасности не шло и речи.

Грег называл людей за стеной лентяями, но Лили никогда так о них не думала. Им просто не повезло, их родители не были богаты, как ее родители или родители Грега. Грег не был так жесток, когда учился в Принстоне: иногда, по выходным, он даже работал с бездомными. Так они и познакомились, оба записались добровольцами в Трентон, последний приют для бездомных, оставшийся в Нью-Джерси. Хотя теперь Лили все чаще думала, что Грег пошел на это ради резюме: следующим летом он отправился на стажировку в правительство. А Лили – в Свартмор, изучать литературу, потому что это был единственный предмет, который ей нравился. К тому времени все книги были очищены от секса, ненормативной лексики и всего, что администрация Фревелла нашла неамериканским, но Лили все равно наслаждалась ими, умея копнуть глубже стерилизованной поверхности и найти хорошую историю. Ей нравилось учиться,

а мысли о будущем ввергали в панику. Грег был амбициозен: летом работал в Вашингтоне, постоянно ездил в Нью-Йорк на выходные, чтобы завязывать знакомства с друзьями родителей. Лили это нравилось, нравилось, что Грег, казалось, управлял своей жизнью. Когда он получил хорошую работу по взаимодействию с военным подрядчиком и предложил Лили пожениться после выпуска, ей показалось, что она выиграла главный приз. Она могла не работать, а только содержать дом и любезничать с равными себе. И, конечно, заботиться о детях, когда те появятся. Все это не казалось настоящей работой. У Лили было предостаточно времени на магазины, чтение, размышления. Машину тряхнуло на очередной колдобине, подбросив Лили на сиденье, и она почувствовала, как губы тронуло что-то, отдаленно напоминающее улыбку. Да, куш она сорвала, ничего не скажешь.

Дождь обрушился на машину внезапно, забрызгав окно, закрывая Лили обзор. Небо темнело весь день, и многие за барьером загодя натянули поверх одежды какие-то синтетические мешки для защиты. Лили задумалась, ищут ли они новые мешки перед каждым дождем или используют одни и те же.

– Впереди объезд, миссис Эм, – через плечо заявил Джонатан.

– Почему?

– Взрыв. – Он указал на лобовое стекло, и Лили увидела сквозь дождь жирный блеск пламени, возможно, в миле впереди. Об этом она тоже читала: иногда преступники залезали и устанавливали взрывчатку на частных трассах, пытаясь их перекрыть, вынуждая людей пользоваться общественными дорогами. Просто еще одна из многих опасностей в поездках за стену, но пока не беспокоился Джонатан, не беспокоилась и Лили. Грег нанял Джонатана за неделю до свадьбы. Хороший телохранитель, он был отличным водителем: в армии, во время Нефтяных Войн, Джонатан отвечал за безопасность фургонов и, казалось, знал дороги восточного побережья как свои пять пальцев.

Он повел машину по главным улицам, которые теперь шли так близко к зданиям, что Лили видела лишь тонкую линию тьмы над краем. Она представляла находившихся под ней людей в виде крыс, мчащихся сквозь мрак. Эмбет, школьная подруга Лили, приехала в Нью-Йорк после окончания учебы, чтобы работать няней, но несколько лет назад – Лили могла бы поклясться – она видела Эмбет на углу в Нижнем Манхэттене, одетую в лохмотья, чумазую и на вид с несколько лет не мытыми волосами. Краткий взгляд через окно автомобиля и все.

Когда они проезжали через осыпающиеся руины Рокфеллеровского центра, Лили заметила, что кто-то вывел синим слова на асфальте. Там, где когда-то был фонтан, надпись была такой большой, что ее было видно с проходящего выше шоссе.

ЛУЧШИЙ МИР

Лозунг «Голубого Горизонта», сепаратистской группы, но никто точно не знал, что это значит. «Голубой Горизонт», в основном, либо что-то взрывал, либо взламывал всевозможные правительственные системы, причиняя неприятности. В прошлом году, когда сепаратисты представили в Конгресс просьбу об отделении, Лили была всеми руками «за», но Грег сказал ей, что на кону стоит слишком много денег, клиентов и должников. Лили, думая лишь о снижении насилия и преступности, считала это удачной сделкой, но больше не поднимала эту тему. Грег напряженно работал, был постоянно на взводе и много пил. Он ни на секунду не расслабился, пока петицию не отклонили.

Джонатан мягко повернул налево, к подвалу центра «Плимут», и остановился у защитного барьера. Двое мужчин с автоматами в руках подошли к машине, Джонатан предъявил свой пропуск.

– У миссис Мэйхью встреча с доктором Дэвисом на пятидесятом этаже.

Охранник заглянул в заднюю часть автомобиля.

– Откройте ее окно.

Джонатан опустил окно Лили, и она наклонилась вперед, выставив плечо. Охранник несколько раз взмахнул недорогим портативным сканером над плечом Лили, прежде чем слабый сигнал возвестил, что ее метка зарегистрирована.

– Спасибо, миссис Мэйхью, – сказал охранник, равнодушно улыбнувшись. Потом он отсканировал Джонатана, и Лили откинулась на кожаное сиденье, а машина мягко покатила в гараж.

Сканер возле лифта громко зажужжал, когда через него проходила Лили: она забыла снять часы. Большая, массивная штуковина, почти целиком серебряная, с алмазным циферблатом. Друзья всегда жадно рассматривали часы, когда Лили надевала их в клуб. Для нее часы были часами, но, как и многие другие вещи, купленные ей Грегом, она носила их, потому что от нее этого ожидали. Пройдя через рамку, она тут же засунула часы в сумочку.

Лифт пискнул, считывая имплантат в плече. Метка покажет ее местонахождение, если Грегу захочется его проверить, ну и что с того? Для стороннего взгляда доктор Дэвис был весьма уважаемым врачом, к которому обращались многие богатые женщины, если у них возникали проблемы с зачатием. Однако Лили чувствовала, как по щекам расплзается виноватый румянец. Ее всегда ловили, когда она врала, она совершенно не умела хранить тайны. Только одну, самую большую тайну, но чем дольше Лили держалась, тем страшнее ей становилось. Если Грег догадается...

Но она не позволяла себе слишком глубоко об этом задумываться. Иначе, если бы задумалась, захотела бы развернуться и выбежать из здания, а этого она не могла себе позволить. Она глубоко вдохнула, потом еще несколько раз, чтобы унять пульс и нервы. Когда двери лифта открылись, Лили повернула налево и пошла по длинному коридору, застеленному ковром богатого глубокого зеленого цвета. Прошла мимо множества дверей, зазывающих к врачам различных специальностей: дерматологам, стоматологам, пластическим хирургам. Дверь доктора Дэвиса была последней направо, толстый шмат орехового дерева, выглядевший в точности так, как должен, с латунной табличкой: «Энтони Дэвис, доктор медицины, репродуктолог». Лили прижала большой палец к планшету и подождала несколько секунд, глядя на камеру, прикрепленную сбоку от двери, пока крошечная красная лампочка не стала зеленой и замок не щелкнул.

Зал ожидания оказался забит женщинами. Почти все они были похожи на Лили: белые, хорошо одетые, с сумочками, стоящими целое состояние. Но некоторые были явно с улицы: их выдавали волосы и одежда, и Лили задумалась, как они прошли через Безопасность. Одна из них, латиноамериканка, месяце на пятом-шестом, втиснулась в кресло прямо у двери и хватала ртом воздух, вцепившись в подлокотники кресла, лицо ее было бледным и испуганным. Опустив взгляд, Лили обнаружила, что джинсы женщины пропитаны кровью. Из вспомогательного офиса прибежали две медсестры с креслом-каталкой и помогли женщине перевернуться в него. Та обхватила живот обеими руками, словно пытаясь что-то удержать. Лили заметила слезы в уголках глаз несчастной, а потом медсестры вкатили ее в дверь к смотровым кабинетам.

– Чем я могу вам помочь?

Лили повернулась к администратору, молодой брюнетке с бесстрастной улыбкой.

– Я Лили Мэйхью. У меня назначено.

– Пожалуйста, подождите, мы вас вызовем.

Незанятых стульев не было, лишь только что освободившийся – с пропитанной кровью светло-зеленой подушкой. Лили не могла заставить себя сесть на него, так что прислонилась к стене, исподтишка разглядывая окружающих. Женщина и девочка-подросток, явно мать и дочь, сидели на двух соседних стульях. Девочка нервничала, ее мать – нет, и Лили с легкостью считывала их взаимоотношения. Она чувствовала себя так же, когда мама впервые привела ее в этот кабинет, понимая, что это обряд посвящения. Понимала она и то, что это должно остаться в секрете, что то, что здесь происходит, – преступление. Лили ненавидела эту встречу,

ненавидела этот кабинет, эту необходимость, но в то же время была благодарна этому месту и этим людям, которые не боялись Грега, всех Греггов этого мира.

Нет, думать о Грегге сейчас было ошибкой: Лили почувствовала, будто он смотрит ей через плечо, и от одной этой мысли лоб покрылся испариной. То, что она приезжала сюда каждый год, увеличивало вероятность, что ее поймут, – если не Безопасность, то сам Грег. Грег хотел детей, как хотел новенький «БМВ», как хотел, чтобы Лили носила усыпанные бриллиантами часы. Грег хотел детей, чтобы предъявить их миру. У всех их друзей было уже по крайней мере двое, у некоторых даже трое или четверо, и на вечеринках в клубе жены бросали на Лили сочувственные взгляды. Хотя эти взгляды ничуть не ранили, Лили приходилось притворяться. Несколько раз она даже ударялась в слезы, устраивая ради Грегга небольшие истерики, доказывающие, как ей жаль, что она не состоялась в качестве жены. Когда-то Лили тоже хотела детей, но теперь это казалось очень далеким, целой жизнью, которую прожил кто-то другой. Грег сам предложил ей пойти в клинику по лечению бесплодия, не подозревая, что она годами ходит к доктору Дэвису, не подозревая, что так ей будет гораздо легче скрываться.

Прошла целая вечность, прежде чем доктор Анна высунулась в стеклянную дверь и позвала Лили. Она привела Лили в кабинет и опустила шторы, оставив ее с неизменным бумажным халатиком. Доктор Анна, женщина за пятьдесят, была женой доктора Дэвиса, а также одной из немногих женщин-врачей, которых Лили знала. Лили была слишком молода, чтобы понять законы Фревелла: срок президента Фревелла начался, когда Лили было восемь, и закончился, когда исполнилось шестнадцать. Но его законы оставили свое наследие, и медицинские школы по-прежнему редко принимали женщин. Лили, для которой позволить незнакомому мужчине заглянуть себе между ног было сродни тому, чтобы выйти на улицу голой, была благодарна за доктора Анну, несмотря на ее вечно раздраженное лицо старой училки. Лили, казалось, раздражала ее одним своим присутствием, отвлекая от чего-то более важного. Она задала Лили стандартные вопросы, делая пометки в своем блокноте, пока та плотнее куталась в бумажный халатик.

- Вам еще таблеток?
- Да, пожалуйста.
- На год?
- Да.
- Как будете платить?

Лили порылась в сумочке и вытащила две тысячи долларов наличными. Грег выдал ей их на покупки в минувшие выходные, Лили засунула деньги за подкладку сумочки, а потом соврала, что купила туфли. Дыра в подкладке за последний год пригодилась уже несколько раз: Грег устраивал несколько внеплановых проверок ее вещей. Лили понятия не имела, что он искал: ничего не находя, он одаривал жену странным, обманутым взглядом, словно продавец, не сумевший подловить кого-то на воровстве. Проверки сами по себе нервировали, но этот взгляд – еще сильнее.

Взяв деньги, доктор Анна опустила их в карман, а потом они перешли к путаному, неприятному осмотру, который Лили терпела, стиснув зубы, пялясь на дешевую потолочную плитку и думая о детской. У них с Греггом не было детей, но Лили обставила детскую сразу после того, как они поженились, когда все было по-другому. Детская была единственным местом в доме, целиком и полностью принадлежащим Лили, только там она действительно могла побыть наедине с собой. Грегу были нужны люди вокруг, кто-то, кто стал бы его слушать. Поэтому в доме было не до уединения: он мог без стука ворваться в любую комнату в любое время, требуя внимания. Но в детскую не заходил никогда.

Выбросив всевозможные инструменты и тампоны, доктор Анна сказала Лили:

- Администратор сообщит вам результаты анализов и выдаст таблетки. Просто назовите свое имя.

– Спасибо.

Доктор Анна пошла к двери, но, прежде чем открыть ее, остановилась и обернулась, учительское лицо по умолчанию выражало неодобрение.

– Знаете, ничего никогда не меняется к лучшему само по себе.

– Что «ничего»?

– Он. – Взгляд доктора Анны упал на кольцо на пальце Лили. – Ваш муж.

Лили еще сильнее вцепилась в подол бумажного халата.

– Не понимаю, о чем вы.

– Думаю, понимаете. Через меня проходят более пятисот женщин в месяц. Синяки не лгут.

– Я не...

– К тому же, – продолжила доктор Анна, оборвав Лили, – вы явно богатая женщина. Ничто не мешает вам получать контрацептивы поближе к дому. При нынешних ценах на черном рынке вы даже могли бы договориться с продавцом, чтобы он привозил таблетки на дом. Разве что вы боитесь, что их обнаружит ваш муж.

Лили затрясла головой, не желая это выслушивать. Иногда ей казалось, что, пока все не вышло наружу, все было почти нормально.

– Муж – не значит владелец.

Лили подняла глаза, внезапно разозлившись, потому что доктор Анна ни черта не знала о том, о чем говорила. Владение – единственная суть брака. Лили продала себя, чтобы о ней заботились, платили по счетам и говорили, что делать. Конечно, продавцу случается испытывать сожаление после сделки, но тут уж как с пресловутым котом в мешке, как сказала бы мама Лили. Мама с папой были против их брака, но Лили не сомневалась, что сделала лучший выбор. Думая о родителях, Лили неожиданно почувствовала беспросветную тоску по своей старой комнате в Пенсильвании, односпальной кровати и дубовому столу. Мебель была совершенно обычная и вовсе не такая изящная, как у нее сейчас. Но комната была ее собственной. Даже родители не заходили в нее без стука. Глаза Лили увлажнились: она быстро вытерла их рукой, размазывая макияж.

– Вы ничего об этом не знаете.

Доктор Анна невесело хохотнула:

– Некоторые вещи никогда не меняются, миссис Мэйхью. Поверьте, я знаю.

– Он сделал это всего пару раз, – промямлила Лили, понимая, что совершила ошибку, ответив. Не она ли раньше обижалась на отстраненную, безличную манеру доктора Анны? А теперь так хотела вернуться к ней.

– В этом году на него очень сильно давили на работе.

– Ваш муж влиятельный человек?

– Да, – автоматически ответила Лили. Это всегда первым приходило ей в голову: он – влиятельный. Грег работал на Министерство обороны, выступая гражданским посредником между военными и поставщиками оружия. Его отдел курировал поставки для всех военных баз восточного побережья. В нем было шесть футов и два дюйма¹, в колледже он играл в футбол. Он встречался с президентом. Лили было некуда бежать.

– И все же, сами знаете: есть места, куда можно уйти. Где спрятаться.

Лили покачала головой, не в силах объясняться с доктором Анной. Иногда женщины убегают, даже в Нью-Ханаане: в прошлом году Кэт Олкотт собралась вечером, посадила троих детей в семейный «Мерседес» и исчезла. Безопасность нашла машину, брошенную в Массачусетсе, но, насколько Лили знала, не Кэт. Джон Олкотт, крупный, тихий мужчина, в присутствии которого Лили всегда чувствовала себя немного неловко, нанял частную фирму, чтобы найти

---

¹ Примерно 188 см (примеч. перев.).

свою жену, но и это не помогло. Они даже не отследили ее метку. Кэт сделала невозможное: забрала детей и сбежала.

Но Лили не могла исчезнуть, даже без детей. Где ей жить? Что есть? Все деньги были у Грега: крупные банки больше не открывали отдельные счета замужним женщинам. Даже знай Лили людей, которые помогли бы ей создать новую личность, – а она таких не знала, – она ничего не умела. Она получила диплом по литературе. Ее не наймут даже уборщицей.

Лили закрыла глаза и увидела манхэттенских бездомных в бесформенных мешках для мусора, живущих в поселениях под дорогами, сражаясь за объедки. Даже зайдя так далеко, она и дня не протянет в том мире.

– Подумайте, – сказала ей доктор Анна, снова посерьезнев. – Никогда не поздно.

Порывшись в кармане, она достала карточку и, вопросительно взглянув на Лили, спрятала ее в сумочке Лили, лежащей на стуле. Затем ушла, притворив за собой дверь.

Лили соскользнула с бумаги, застилающей смотровой стол, осторожно – чтобы не порвать, – сняла бумажный халат: родительское воспитание в духе бережливости иногда проявлялось в таких глупостях, как одноразовая одежда, которую все равно выкинут. Оглядывая себя, она увидела синяк в форме пальца на плече, за которое Грег схватил ее во вторник. Остальные царапины и синяки, оставшиеся после той ужасной ночи почти месяц назад, наконец-то зажили, но с этими новыми отметинами она какое-то время не сможет надевать ничего открытого, а Грегу так нравилось, когда она носила топы без рукавов.

Она начала одеваться, стараясь не смотреть вниз, на свое тело. Грег испытывал сильный стресс: это, по крайней мере, не было ложью, и потом очень раскаивался. А вот о «паре раз» она слухавила. Он бил ее шесть раз, и Лили во всех подробностях помнила каждый. Она могла врать доктору Анне, но чего ради врать самой себе? Грег становился все хуже.

Выйдя из лифта, Лили обнаружила нескольких сотрудников Безопасности, сгрудившихся около сканера вокруг хорошо одетого мужчины. На вкус Лили, мужчина выглядел вполне респектабельно: чуть тронутые сединой волосы и элегантный синий костюм. Но охранники отпихнули его за стол и вытолкали через чистейшую белую дверь с надписью «Безопасность». Все звуки стихли, когда они закрыли ее за собой.

Под пристальным взглядом двух оставшихся охранников Лили направилась к ждущему ее «Лексусу». В голове воскресло ужасное воспоминание: белокурые косички Мэдди, исчезающие за дверью. Иногда Лили удавалось месяцами не думать о Мэдди, а потом что-нибудь попадалось ей на глаза: то женщину выводили из машины, то Безопасность стучала в чью-то дверь, а то и вовсе вдали вспыхивал мельчайший проблеск одного из огромных исправительных центров, стоявших вдоль трассы I-80. Мэдди ушла, но даже что-то ничтожное могло ее вернуть. Лили яростно рванула дверцу, пытаясь прогнать наваждение. Эта поездка и так получилось непростой, не хватало еще брать с собой Мэдди.

– Домой, миссис Эм? – спросил Джонатан.

– Да, пожалуйста, – ответила Лили; это слово всегда вызывало у нее странные двойные ощущения: успокоение и отвращение. – Домой.

* * *

После того, как Джонатан ее высадил, Лили отправилась прямо в детскую. Грег еще не вернулся, и дом был пуст и тих, только провода гудели в стенах. Джонатану полагалось не оставлять Лили одну, даже дома, но она услышала, как снаружи загудел мотор, и поняла, что он снова уехал. Джонатан частенько бегал по своим собственным делам в рабочее время, но Лили никогда не рассказывала об этом Грегу. Она никогда не чувствовала себя в опасности, когда была одна, особенно здесь, в Нью-Ханаане. Город опоясывала двадцатифутовая стена, увенчанная оградой под напряжением. Здесь не совершалось никаких преступлений. «По крайней

мере», – поправила себя Лили, – «никаких тяжких преступлений». Город был полон законопослушных воров.

Лили выбрала для детской просторную комнату на первом этаже. Во-первых, она располагалась рядом с кухней, но главное: детская открывалась на небольшое кирпичное патио, выходящее на задний двор. Лили нравилось, что она сможет выносить ребенка на улицу и кормить в тени вязов. Прошло три года, показавшиеся сотней лет, и теперь забеременеть от Грега казалось ей самоубийством.

Когда никаких детей не получилось, комната по умолчанию перешла Лили. Грег был не из тех мужчин, что сунутся в детскую. Его отец, которого Лили терпеть не могла, привил Грегу вполне определенные мысли о том, что мужественно, а что нет, и комната, забитая плюшевыми игрушками, ни в какие ворота не лезла. Бездетность Лили делала детскую еще менее привлекательной для него, и, не считая разбросанных повсюду игрушек, комната более или менее соответствовала салону викторианской леди: тихое, спокойное место, куда никогда не ступала нога мужчины.

Иногда, когда Лили приглашала друзей, они пили здесь кофе, но всегда только женщины, мужчины – никогда. Конечно, система видеонаблюдения в доме была устроена таким образом, что Грег мог смотреть за Лили и в детской, даже с работы. Но Лили позаботилась об этом изъёме заранее, записав несколько дней безобидного видеоматериала – как она вяжет, дремлет, даже с тоской смотрит в колыбельку, а также отсутствует в комнате – и закольцевала. Грег не особо разбирался в компьютерах: в родительском доме за него все делала няня, репетитор, телохранители. Сейчас, на работе, у него был секретарь, который регулировал всю его жизнь. Но Лили кое-что понимала в компьютерах, по крайней мере, достаточно, чтобы влезть в систему наблюдения. Мэдди была кем-то вроде хакера: последние два года, перед тем, как она исчезла («ее забрали», – поправил мозг Лили, и забыть об этом она никак не могла), Мэдди кучу времени просиживала в своей комнате за закрытой дверью, занимаясь компьютером. Иногда среди недели, когда Лили и Мэдди оставались одни, Мэдди показывала ей интересные штуки, и это была одна из них: как вклиниться в видеонаблюдение. Если Безопасность решит проверить всю систему, Лили потребуется новая уловка. Но, к счастью, Грег работал офицером связи, и это значило, что они с Лили считались добропорядочными гражданами, и каналы их дома были, хотелось надеяться, закрыты. Лили подозревала – уж слишком долго это сходило ей с рук, – что Грег не желал заглядывать в детскую, даже на мониторе. Если он и обнаруживал ее там, то, вероятно, ограничивался беглым взглядом, разумеется, недостаточным, чтобы сопоставить увиденное с более ранними кадрами. До сих пор отлично срабатывало. Время, проведенное в детской, принадлежало ей и никому другому. Даже в прошлом году, когда Грег стал совать свой нос в немногие остававшиеся личными уголки ее жизни, это место по-прежнему оставалось безопасным. Лили закрыла за собой дверь и отнесла таблетки в тайник за угловой плиткой. Даже если Грег когда-нибудь решится сюда войти, Лили не думала, что он сможет вычислить незакрепленную плитку, никак не выделяющуюся на стене. Чего только Лили не прятала здесь за долгие годы: наличные, обезболивающие, старые книжки в мягких обложках.

Но ничто не было так важно, как таблетки, которые Лили уложила в аккуратные штабеля по три коробочки в каждом. Она смотрела на них, в сотый раз удивляясь, почему так отличается ото всех своих подруг, почему так не хочет стать матерью. Быть бездетной считалось позором: она постоянно слышала это от друзей, министра, сетевых правительственных бюллетеней (их тон стал чрезвычайно встревоженным в последние десять лет, когда процентное соотношение бедных к богатым выросло в четыре раза). Сейчас даже появились налоговые льготы: вычеты для людей с доходом выше определенного уровня, имевшим несколько детей. Для стороннего взгляда Лили не справилась со своей главной задачей, но она могла лишь имитировать стыд, который почувствовали бы ее подруги. Про себя же благодарила Бога за таблетки. Она

не была готова заводить детей, и уж точно не с Грегом. Не теперь, когда он становился все невыносимее. Ночь на прошлой неделе... Лили старалась не думать об этом, но теперь в ее голове словно бы всплыл пузырь, и впервые Лили поймала себя на том, что серьезно думает о новой жизни.

О побеге.

Даже Лили знала, что мир полон темных мест, где можно спрятаться. Она снова вспомнила Кэт Олкотт, которая посадила детей в машину и просто исчезла. У Кэт был план? Она присоединилась к сепаратистам? Или стала обычной горожанкой с новым именем и новым лицом? Подельщиков, изготовителей фальшивых документов и пластических хирургов, готовых взяться за такую работу, было предостаточно.

«Но у меня нет денег».

Это было настоящим камнем преткновения. Деньги покупали варианты исчезновения, саму возможность исчезнуть. Лили могла бы попросить помощи у мамы, но у той тоже не было денег: когда папа умер, его компания заявила, что он нарушил трудовой договор и поэтому никакой пенсии не полагалось. Маме едва хватало, чтобы платить налог на дом. Но даже будь мама богатой, она не желала вникать в проблемы Лили с Грегом, полагая, что дочь сделала свой выбор. У нее было множество друзей в Нью-Ханаане, но настоящих – ни одного. Не было никого, кому она могла бы доверять, никого, кто помог бы ей с чем-то подобным. И она вдруг поймала себя на том, что ненавидит доктора Анну, до глубины души ненавидит за то, что та попыталась нарушить статус-кво. Не стоит заглядывать за горизонт в другой, лучший мир, до которого все равно не можешь дотянуться. Она уже добилась наилучшего результата из возможных: раз в году доставать таблетки и не приносить ребенка в этот дом.

– Лил!

Она виновато вздрогнула. Грег дома. Панель входной двери на стене ярко мигала, а она не заметила.

– Лил! Где ты?

Она сунула плитку на место и встала, наспех приглаживая юбку на бедрах. По пути к выходу нажала панель на стене, вознагражденная тихим, почему-то утешающим жужжанием дома, начавшего готовить обед, и поспешила вниз по лестнице.

Грег направился напрямиком к бару. Это была еще одна вещь, которую Лили недавно заметила: раньше Грег пил только тогда, когда на работе случалось что-то хорошее, а теперь – каждый вечер, и все больше и больше. Вечера не всегда заканчивались плохо для Лили, но она не могла не заметить взаимосвязи: теперь Грег напивался каждый вечер, словно пытался забыть.

– Как прошла твоя встреча?

– Хорошо. Доктор Дэвис сказал, что выглядит лучше.

– Что выглядит лучше? – Он подошел к ней со стаканом в руке, другой обнимая за талию.

– Он считает, что мне должен помочь «Демипрен». Стимулирует мои яичники.

– Чтобы выпустили яйцеклетку?

– Да. – Отрепетированная ложь без сучка и задоринки лилась из уст Лили.

Она во всем разобралась два года назад, зная, что придет время, когда Грег потребует реальную картину того, что случилось с ее репродуктивной системой. Но его вопросы каждый раз становились более конкретными, и у Лили появилось тревожное ощущение, что сейчас он затеял собственное разбирательство.

– У меня сегодня хорошие новости, – заметил Грег, и она немного расслабилась: похоже, этим вечером допрос отменяется.

– Правда?

– Тед сказал, – ну, намекнул, – что в следующем году освободится место старшего посредника. Сэм Эллис уходит в отставку.

– Это хорошо.

Грег кивнул, наливая второй стакан виски. Лили видела, что его что-то беспокоит, и сильно.

– Что не так?

– Тед сказал, я в очереди на эту должность, но добавил кое-что, когда я уходил. Думаю, он пошутил, но...

– Что он сказал? – без особого энтузиазма спросила Лили. Это уже стало для нее рутиной – успокаивать мужа по вечерам. Она уже знала ответ.

Щеки Грега пошли тускло-красными пятнами.

– Он сказал, что, если бы не моя маленькая проблема, я бы стал старшим посредником уже год назад.

– Он пошутил.

– Первые пару раз, возможно. Теперь я так не думаю.

Лили взяла его за руку, пытаясь изобразить больше сострадания, чем чувствовала. Безусловно, Грег находился под колоссальным давлением, но это давление Лили могла понять умом, но не прочувствовать. Она никогда не отличалась амбициозностью. Ей было безразлично, станет ли Грег старшим-кем-угодно, пока они имели крышу над головой и вели достойную жизнь. Другие жены в клубе гордились достижениями мужей, словно застряли в школе: в те времена, если ты встречалась с защитником стартового состава, то автоматически становилась круче всех девочек в классе. Но не Лили. У Грега была хорошая работа, и он нравился начальству. Ему не угрожало увольнение. Кого волновало, если он станет самым молодым старшим посредником в истории Пентагона?

«Грега», – напомнила она себе. Но это уже не имело такого веса, как раньше. Было бы куда проще болеть за Грега, проявляй он к ней ответный интерес. Раньше дела в их браке обстояли лучше: Грег хотя бы относился к ней как к отдельному человеку. Но тон изменился, и теперь вся деятельность Лили оценивалась с точки зрения главного шанса, словно она была лишь стартовым двигателем Греговой ракеты. Все эти истории из офисной жизни всегда были одинаковыми, и хотя Грег, конечно, искал успокоения, он так же ждал и одобрения дальнейших шагов. Сообщение было предельно ясным: негодная matka Лили препятствовала его карьере. Вероятность того, что проблема крылась в яичках Грега, даже не рассматривалась. Лили почувствовала поднимающийся по задней стенке горла гнев, но тут Грег наклонился вперед, опершись локтями о барную стойку, уткнулся головой в руки. Он не плакал – только не Грег, – его ненавистный отец выбил из него эту способность задолго до того, как в его жизни появилась Лили. Но он еще никогда не был так близок к тому, чтобы зарыдать.

– Грег. – Она закусила губу, пытаясь собрать все свое мужество в кулак. Она обдумывала этот вопрос дважды за первый год их брака, и Грег затыкал ее каждый раз, но сейчас, казалось, настал подходящий момент заставить его послушать. Лили потянулась и взяла его за руку. – Грег, знаешь, может, все и нормально.

Он поднял голову, глядя на нее так, словно никогда раньше не видел.

– Что?

– У многих людей нет детей. Может, это еще не конец света.

– Что ты такое говоришь? Ты же всегда хотела детей.

«Нет, не хотела! – Она отбросила слова, но они все звучали где-то на задворках сознания. – Это ты все за меня решил! Мы никогда этого не обсуждали! Ты даже не спрашивал!»

Лили сглотнула, пытаясь взять себя в руки. Это ее муж, и раньше им удавалось говорить начистоту, бывало, даже часами. Она протянула руку, касаясь волос Грега, глубоко вдохнула и продолжила:

– Грег, если у нас никогда не будет детей, я это переживу.

Он обнял ее с недоверчивым смешком.

– Ты просто так говоришь.

– Нет, не просто, – она отступила назад, заглядывая ему в глаза. – Грег, у нас все будет хорошо.

Он откинулся, глаза наполнились болью.

– Ты думаешь, я бесплоден?

– Нет, конечно, нет...

Он схватил ее за плечи, впиваясь пальцами в нежную кожу чуть повыше ключицы. Лили почти почувствовала, как проявляются синяки.

– Я не бесплоден.

– Знаю, – прошептала Лили, отводя взгляд.

Она уже чувствовала, что сжимается внутри самой себя, как ее личность ныряет за любое укрытие, которое умудряется найти. Какой смысл на чем-то настаивать, если Грег становился только хуже?

Он встряхнул ее, и Лили почувствовала, как заскрежетали зубы.

– Что?

– Я знаю, что ты не бесплоден. Ты прав. Это важно.

Он пристально рассматривал ее еще пару секунд, а потом улыбнулся, и его лицо расслабилось.

– Точно, Лил. И я знаю, что с этим можно сделать.

– Что же?

Он покачал головой, улыбаясь, едва скрываемой улыбкой мальчишки, знающего, что набеда курил.

– Сначала нужно хорошенько все изучить, удостовериться, что идея целесообразна.

Лили понятия не имела, что он обдумывает, но ей не понравилась его усмешка. Это напомнило ей университетские времена, когда братство Грега попало под следствие за нападение. Несмотря на колоссальные усилия Принстона, новость разнеслась по всем соседним кампусам. Когда Лили спросила об этом Грега, он поклялся, что не имеет к этому никакого отношения, но его глаза так же поблескивали. Юная Лили просто была недостаточно умна, чтобы заметить предупреждение.

– Доктор Дэвис говорит, шансы по-прежнему есть и очень хорошие...

– Доктор Дэвис слишком долго тянет.

Лили стояла неподвижно, чуть ли не окаменев, когда он снова ее приобнял.

– Подумай, как было бы замечательно, если бы у нас родился ребенок, Лил. Из тебя получится отличная мама.

Лили кивнула, хотя в горле словно застрял теннисный мячик. Она представила себя беременной, с ребенком Грега внутри, и волна отвращения пробежала под кожей; она задрожала, а Грег обнял ее еще крепче.

– Лил? Скажи, что любишь меня.

– Я люблю тебя, – ответила Лили, и он поцеловал ее в шею, а рукой потянулся к груди. Лили пришлось заставить себя замереть, не отпрянуть. Она не понимала, как слова, прозвучавшие настолько машинально, могли так порадовать Грега. Может, он нуждался лишь в оболочке и не обращал внимания на наполнение?

«Когда-то мне нравился этот человек», – подумала Лили.

И ей нравилось, когда они оба были юными и учились в колледже, и Лили ни черта не соображала; когда Грег покупал ей славные вещицы, и Лили казалось, что это любовь. Грег сказал, что любит ее, но его определение этого слова мутировало во что-то темное и агрессив-

ное. Подруга Лили Сара как-то сказала, что любовь разная в каждом браке, но в тот день Сара щеголяла синяком под глазом и сама верила своей банальности не больше, чем Лили.

«Он не знает, – шептал ее внутренний голос. – Он по-прежнему не знает о таблетках».

Но это уже не утешало. Лили понимала, что не сможет принимать таблетки вечно, но некоторое время они, казалось, давали ей практически волшебную защиту, став талисманом, как и детская. Даже плохие ночи было легче пережить, зная, что какая-то ее часть находилась в безопасности, что Грег не до всего может добраться. Но она знала эту усмешку, знала слишком хорошо. Грегу почти все сходило с рук, обычно с восторженного одобрения отца, и теперь он снова затевал что-то недоброе. Что бы Грег ни планировал, становилось очевидным, что сложившееся положение дел долго не продержится. Грег уже шарил у нее под платьем, и Лили старалась не дернуться, не оттолкнуть его. Она и хотела сказать «нет» – вот уже несколько месяцев думала об этом, – но это «нет» подвело бы к разговору, к которому она еще не была готова. Что она ответит, если он спросит, почему? Она закрыла глаза, представив детскую, это тихое место, где никто не вторгался в ее жизнь, никто ни к чему не принуждал, никто...

* * *

Моргнув, Келси обнаружила, что стоит в своей знакомой библиотеке перед книжными полками. Менее чем в футах от нее застыл Пэн. Мгновение мир колебался, но потом она увидела книги, книги Карлин, и реальность вокруг вновь обрела четкие контуры, а Королевское Крыло с глухим стуком встало на свое место в голове.

– Госпожа? С вами все в порядке?

Она прикрыла глаза ладонью. Из камина в углу раздалось шипение, заставив ее подскокнуть, но это был всего лишь догорающий под утро огонь.

– Мне приснилось, – прошептала Келси, – что я была кем-то другим.

Нет, «приснилось» – не то слово. Келси по-прежнему чувствовала руки мужчины, впивающиеся ей в плечи, оставляя синяки, все так же помнила мысли, проносящиеся в голове женщины.

– Как мы сюда попали? – спросила она Пэна.

– Вы блуждали по Крылу почти три часа, госпожа.

Три часа! Келси покачулась, вцепившись рукой в край книжной полки.

– Почему ты меня не разбудил?

– Вы ходили с открытыми глазами, госпожа, но не видели и не слышали нас. Андали велела вас не трогать, сказала, что это плохая примета – трогать лунатиков. Но я был с вами, следил, чтобы вы не навредили себе.

Келси было заспорила, что она не лунатик, но потом закрыла рот. Что-то вгрызлось в ее память, что-то, что могло пролить свет на происходящее. Женщина в Алмонте! Келси так и не узнала ее имени, но шесть недель назад она смотрела глазами той женщины, как Торн взял двоих ее детей. Это был не сон: слишком уж ярко и резко. А то, что Келси испытала сейчас, казалось еще резче. Она знала эту женщину, знала город в ее голове, словно свой собственный. Ее звали Лили Мэйхью, она жила в предпереходной Америке и была замужем за негодяем. Лили не была плодом воображения Келси. Даже сейчас Келси могла представить места, которых никогда не видела, и чудеса, утерянные столетия назад во время Перехода: машины, небоскребы, оружие, компьютеры, шоссе. Теперь она видела хронологию политических событий, вечно ускользающую от историков вроде Карлин, у которых не было никаких записей, с которыми можно было бы работать. Карлин знала, что одним из главных факторов, спровоцировавших Переход, было социально-экономическое неравенство, но теперь благодаря Лили Келси узнала, что дела обстояли еще хуже. Америка опустилась до плутократии. Разрыв между богатыми и бедными неуклонно увеличивался с конца двадцатого века, а ко

времени рождения Лили – «в 2058», – без труда определила Келси – безработными остались более половины американцев. Корпорации начали удерживать сокращающиеся запасы продовольствия для продажи на черном рынке. Большую часть населения составляли бездомные или безнадежные должники, отчаяние и апатия слились воедино, и к власти пришел человек по имени Артур Фревелл... Келси множество раз слышала это имя от Карлин, рассказывавшей о президенте Фревелле и его Законе о чрезвычайных полномочиях тем же тоном, которым говорила о Хиросиме и Холокосте.

– Госпожа, вы в порядке?

– Я в порядке, Пэн. Дай мне подумать.

Внезапно на Келси обрушилось воспоминание: она сидела в библиотеке пять или шесть лет назад, а голос Карлин язвительно отскакивал от стен.

– Закон о чрезвычайных полномочиях! Какое изощренное название! Честные законодатели просто ввели бы военное положение, и дело с концом. Запомни это тоже, Келси: стоит только объявить военное положение, как тут же потеряешь власть. С тем же успехом можешь просто снять корону и убежать в ночь.

По словам Карлин, Закон о чрезвычайных полномочиях был создан для борьбы с весьма ощутимо растущей угрозой внутреннего террора. Когда экономический разрыв увеличился, Америку охватили сепаратистские движения. «Лучший мир»... Келси видела это в своем видении: голубые буквы более тридцати футов в высоту. Но что это значит? Ей бы очень хотелось узнать. *Увидеть*. Она опустила взгляд на два свои кулона, ожидая увидеть, что камни ярко светятся, как после того ужасного видения в Алмонте. Но они оказались темными. Последний раз она видела их светящимися в ту ночь на Аргосском перевале, когда вызвала потоп. Келси впервые задумалась, не могли ли драгоценности просто перегореть. Совершив великое и необычайное чудо в Аргосе, они, кажется, утратили всю свою силу. И, возможно, сейчас были всего лишь украшением. Идея принесла облегчение, быстро сменившееся страхом. Мортийцы укрепляются на границе, любое оружие пригодится, даже такое непоследовательное и непредсказуемое, как ее драгоценности. Они не могли перегореть.

– Вам бы лечь в постель, госпожа, – посоветовал Пэн.

Келси медленно кивнула, все еще прокручивая необыкновенное видение в голове. По привычке она пробежала рукой по ряду книг, черпая утешение в их основательности. Лунатизм это или нет, но Келси не удивило, что она очутилась именно здесь. Всякий раз, когда Келси сталкивалась с требующей разрешения проблемой, она неизменно оказывалась в библиотеке: в окружении книг легче думалось.

Изучая опрятные ряды книг, расставленных в алфавитном порядке, она размышляла. Библиотека некогда служила утешением и прибежищем для Карлин, и Келси подумала, что Карлин обрадуется, что она тоже нашла здесь успокоение. В глазах защипало, но она отвернулась от книжной полки и вывела Пэна из библиотеки. Андали ждала Келси в ее спальне, хотя стрелки часов показывали три часа утра. Ее младшая дочь, Гли, спала в материнских объятиях.

– Андали, уже поздно. Ложитесь спать.

– Я бы все равно не заснула, госпожа. Моя Гли снова ходила во сне.

– А, – Келси скинула обувь. – Коварный лунатизм, я слышала. Булава говорит, что нашел ее блуждающей по помещениям Стражи на прошлой неделе.

– Булава много чего говорит, госпожа.

Келси вскинула брови. Голос прозвучал ворчливо, но она не смогла понять ее недовольство.

– Что ж, этой ночью мне помощь не нужна. Вы можете ложиться спать.

Андали кивнула и ушла, унося малышку.

Как только она удалилась, Пэн, поклонившись, объявил:

– Спокойной ночи, госпожа.

– Не надо кланяться мне, Пэн.

Озорной огонек мелькнул в глазах Пэна, но он ничего не сказал, только еще раз поклонился, прежде чем отступить в переднюю и задернуть занавес.

Келси сняла платье и бросила в корзину для одежды. Она была рада, что Андали так просто ушла. Иногда казалось, что Андали считает своей святой обязанностью помочь Келси раздеться. Но Келси терпеть не могла расхаживать нагишом при посторонних.

Андали повесила зеркало во весь рост на стену возле шкафа Келси, но если она пыталась потихонечку исцелить Келси от физической застенчивости, то выбрала неправильную тактику. Даже это простое устройство создавало множество проблем: Келси и хотела, и не хотела посмотретья в зеркало. Дело всегда заканчивалось тем, что она не могла удержаться, а потом ненавидела себя. Отражение ее не радовало, особенно после переезда в Королевское Крыло, где она оказалась окружена красивыми женщинами. Но еще сильнее была неприязнь к собственной матери, Королеве Элиссе, которая якобы провела половину жизни, прихорашиваясь перед зеркалом. Так что Келси пошла на компромисс: всякий раз, проходя мимо зеркала, она поспешно окидывала себя взглядом, проверяя, в порядке ли волосы и не размазалась ли тушь по лицу. Все остальное – тщеславие.

Теперь, увидев себя в зеркале, Келси замерла.

Она похудела.

Это казалось невозможным: сейчас Келси вела еще менее активный образ жизни, чем когда впервые пришла в Цитадель. Каждый день на нее наваливалось множество дел, в основном, сидячих: либо на троне, либо за столом в библиотеке. Она не упражнялась несколько недель, и все ее планы поменьше есть, кажущиеся вполне достижимыми по утрам, неизбежно рушились к вечеру. Но она не могла отрицать того, что видела сейчас. Толстые ноги стали стройнее, линия бедер – более выраженной. Живот, всегда являющийся особым источником смущения из-за ряби складок, стал лишь слегка округлым. Келси на цыпочках подошла к зеркалу, разглядывая руки. Они тоже казались тоньше. С бицепсов сошел жир, и теперь они мягко переходили в предплечья. Но когда все это случилось? Определенно меньше недели назад, ведь она смотрелась в зеркало перед последней встречей с Холлом и не заметила никаких изменений.

Вглядываясь в свое лицо, Келси испытала неприятное потрясение, потому что оно тоже казалось изменившимся, но пару мгновение спустя она поняла, что это всего лишь игра света.

«Что со мной такое?»

Отправить Булаву за доктором? Она сжалась от одной только мысли. Булава считал, что врач нужен лишь истекающему кровью, а мортыйский доктор, почитаемый Корином, брал ужасно дорого. Стоит ли Келси обращаться к нему из-за потери веса? Она не была ранена и не истекала кровью. Хорошо себя чувствовала. Она может подождать и понаблюдать, а если что-нибудь еще случится, скажет Булаве или Пэну. В конце концов, последнее время она подвергалась нешуточному стрессу. За спиной затрещал огонь, и она повернулась. На мгновение ей показалось, что кто-то стоит перед камином, разглядывая ее. Но там оказались только тени. Несмотря на жар пламени, ей внезапно стало холодно: кинув последний тревожный взгляд в зеркало, Келси натянула ночную сорочку и залезла в постель. Она задула свечу, зарылась ногами в теплый ворох одеял, натянула покрывало на холодный нос. Попыталась расслабиться, но за закрытыми веками возникли непрошенные образы, мучившие ее уже несколько недель: мортыйская армия, ядовитая черная волна, льющаяся по Пограничным холмам в Алмонт, оставляя за собой пустыню. Мортыйцы не вошли в Тир, пока нет, но войдут. Булава и Арлисс запасались на случай осады и строили укрепления вокруг города, но, в отличие от Бермонда, Келси не обманывала себя. Она знала, что когда мортыйцы подойдут к городу и бросят все свои силы на разрушение стен, никакие наспех возведенные крепостные сооружения их не удержат. Она снова подумала о Лили Мейхью, которая жила в городе, окруженном стенами. В жизни

Лили должно было быть что-то поучительное, что-то полезное... но ничего не приходило в голову.

Келси перевернулась на спину, уставившись в темноту. Ее мать столкнулась с такой же безвыходной ситуацией и в итоге предала Тирлинг. Да, Келси ненавидела ее за это, но что она могла сделать? Королева крепко сжала свои сапфиры, спрашивая ответа, но камни молчали, лишь укрепляя чувство обреченной уверенности: Келси сурово осудила свою мать, а теперь несла неизбежную кару, попав в то же положение.

«У меня нет решения, – подумала Келси, свернувшись в клубочек. – И, если я не смогу ничего придумать, окажусь не лучше ее».

* * *

Шахтеры имели суровый вид. Очевидно, они умылись, прежде чем явиться в Цитадель, но грязь, казалось, въелась в их кожу, делая ее вечно смуглой. Они были независимыми добытчиками, и это само по себе казалось большой редкостью: большинство шахтеров в Тирлинге принадлежали к гильдиям, потому что объединение было единственным способом конкурировать с мортийцами. Среди шахтеров была женщина, высокая и светловолосая, однако грязная, как и все остальные. Она носила выдавшую виды зеленую шляпу, которая выглядела так, словно пережила ураган. Келси, не зная, что шахтерские бригады принимают женщин, смотрела на нее с интересом. Женщина же ответила ей неприязненным взглядом.

– Ваше Величество, мы только что с Фэрвитча, – объявил бригадир Беннетт. – С месяца копали в предгорьях.

Келси кивнула, жалея, что облачилась в плотное шерстяное платье. Пришло теплое и дремотное лето, но кто-то все равно развел огонь. Она ненавидела аудиенции в такие дни, отвлекавшие от более насущных проблем, вроде мортийцев и беженцев. Первая волна пограничных жителей уже перебирается через Алмонт, но они – лишь часть тех, кто придет сюда. По крайней мере, пятьсот тысяч... как Новый Лондон их вместит?

– Нас было пятнадцать, Ваше Величество, – продолжил Беннетт, и Келси попыталась, подавляя зевоту, удерживать внимание.

– Где же остальные?

– Исчезли в ночи, госпожа. Мы разбили довольно плотный лагерь, но... сами понимаете, человеку нужно до ветру. Ночью люди отходили от лагеря и иногда просто не возвращались.

– И вы пришли, чтобы сообщить мне об этом?

Беннетт начал отвечать, но шахтерка, наверняка его заместительница, схватила его за руку, лихорадочно забормотав что-то на ухо. Обмен мнениями быстро перерос в затяжной спор, перемежающийся ворчанием и шипением. Келси терпеливо наблюдала. Отец Тайлер стоял к шахтерам ближе остальных, возможно, он слышал, о чем они говорили. Она начала при случае приглашать священника на аудиенции, и он уже высказал несколько ценных идей. Ему нравились аудиенции, он говорил, что на них «наблюдает историю в реальном времени». К тому же он умел держать язык за зубами, да так, что якобы навлек на себя гнев нового святого отца, который сомневался, что отец Тайлер передает ему достаточно сведений. Келси не понимала, что держит отца Тайлера, но допуск к приему казался справедливым вознаграждением.

– Ваше Величество, – Беннетт наконец вырвался, но его спутница бросала на него свирепые взгляды, пока он говорил. – Мы кое-что нашли во Фэрвитче.

– Да?

Беннетт подтолкнул женщину, которая посмотрела на него с отвращением, но вытащила небольшой черный мешочек из кармана плаща. Стражники Келси машинально напряглись, загораживая ее и Пэна. Что-то мигнуло синим, когда Беннетт поднял содержимое мешочка ближе к факелу.

– Что это?

– Если я не выжил из ума, Ваше Величество, сапфиры. Мы нашли приличную жилу. Теперь Келси поняла, почему они спорили.

– Уверяю: то, что вы нашли – ваше. Мы можем попытаться купить их у вас по справедливой цене, но даю слово: никакой конфискации.

Слова возымели желаемый эффект: горняки тут же расслабились. Даже заместительница Беннетта утомилась, и ее брови разгладились, когда она сняла зеленую шляпу.

– Можно взглянуть на вашу находку?

Беннетт оглянулся на своих шахтеров, и они сдержанно покивали. Он продвинулся вперед на несколько футов и протянул камень Киббу, который взял его и передал Келси.

Она приподняла один из своих сапфиров, чтобы сравнить.

Камень Беннетта оказался грубым, отколотым прямо из жилы, и не знал обработки, но был гигантским, почти с ладонь Келси, и никаких сомнений в его качестве не возникало. Она секунду подождала, пораженная нелепой надеждой, что новые сапфиры отреагируют на ее драгоценности, как-то их разбудят. Но ничего не произошло.

– Лазарь?

– По мне – камень такой же. Но что с того?

– Говорите, вы нашли много таких, Беннетт?

– Да, Ваше Величество. В предгорьях мы с трудом докопались до жилы, но, полагаю, в Фэрвитче она ближе к поверхности. Мы просто не решаемся пойти туда после... после Тубера.

– А что случилось с Тубером?

– Пропал, Ваше Величество.

– Сбежал?

– Куда? – презрительно поинтересовался стоящий сзади шахтер. – Все запасы у нас.

– Что же тогда, по-вашему, случилось?

– Я не уверен. Но иногда мы слышали в ночи шум, словно какого-то здорового зверя.

– Только некоторые из нас, госпожа. – Оборвал Беннетт, свирепо глядя на старого шахтера. – Далеко в лесу и высоко в Фэрвитче. Какое-то большое существо, но оно двигалось слишком аккуратно для обычного животного. Оно и забрало Тубера – мы уверены.

– Почему?

– Несколько дней спустя мы нашли в овраге его одежду и сапоги, госпожа. Они были разорваны и испачканы кровью.

Арлисс тихонько недоверчиво фыркнул.

– Исчезло еще трое, госпожа, прежде чем мы догадались укрепить лагерь и работать только группами. Их следов мы так и не нашли.

Келси повертела сапфир в руке. Арлисс этого не знал, но это была не первая подобная история, которую она слышала за последнее время. Теперь, когда поставок больше не было, распорядители переписи, приписанные в каждой деревне, стремились доказать, что от них по-прежнему есть прок, и на Булаву лилась информация со всех уголков королевства, включая деревушки у подножия Фэрвитча. Из предгорий поступило три жалобы о пропаже детей, еще несколько мужчин и женщин исчезли на болотах. Никто ничего не видел. Неведомый хищник являлся в ночи и просто исчезал со своей добычей.

– Кибб, верни, пожалуйста. – Келси протянула ему камень и откинулась на трон, размышляя. – Лазарь, в Фэрвитче всегда случались исчезновения, так ведь?

– Частенько. Это опасное место, особенно для детей. Пропало множество малышей, прежде чем тирские семьи просто перестали селиться в горах. Мортийцы тоже более или менее сторонятся своей части Фэрвитча.

– Ваше Величество? – подняв руку, робко проговорил отец Тайлер, и Келси подавила усмешку.

– Да?

– Святой отец полагает, что Фэрвитч проклят. – Булава закатил глаза, но отец Тайлер продолжил: – Я не верю в проклятия, но вот что я вам скажу: в конце первого века Арват отправил миссионеров в Фэрвитч на поиски тех, кто осел там после Перехода и поселился в горах. Ни один из миссионеров не вернулся. Это не просто слух: есть отчет – часть архива Арвата.

– И никто не нашел тел? – спросила Келси.

– Насколько мне известно, нет. Вообще впервые слышу о каких-то останках, крови или одежде.

Это еще сильнее встревожило Келси. Если человек исчез, где же его кости? Она повернулась к шахтерам.

– Беннетт, вы планируете вернуться в Фэрвитч?

– Мы еще не решили, Ваше Величество. Сапфиры – это хорошо, но риск...

Арлисс похлопал Келси по плечу и наклонился, чтобы прошептать ей на ухо:

– В Кадаре очень высоко ценят сапфиры, Ваше Величество. Это хорошее вложение.

Келси кивнула, снова поворачиваясь к шахтерам.

– Решать вам. Но если вернетесь, я заплачу за ваш улов по...

Она посмотрела на Арлисса.

– Пятьдесят фунтов за кило.

– Шестьдесят фунтов за кило. Я так же заплачу за любые сведения о том, что там происходит.

– Сколько?

– Зависит от сведений.

– Дайте поразмыслить, Ваше Величество.

Беннетт отвел свою бригаду к дальней стене, где они сбились в кучу. Старый шахтер, стоящий с краю, собирался уже плюнуть на пол и передумал только, когда Веллмер схватил его за плечо, угрожающе покачав головой.

– Шестьдесят фунтов за кило? – вполголоса простонал Арлисс. – Так денег не заработаете.

– Я тебя знаю, Арлисс. Твоя накрутка беспощадна.

– Справедливая цена – это та, на которую согласен рынок, Королевна. Правило, которое должен помнить правитель нищего королевства.

– Просто делай свою работу и следи, чтобы налоги приходили вовремя, старик.

– Старик! Да у вас никогда не было лучшего сборщика налогов. Десять тысяч фунтов в этом месяце.

– Ваше Величество! – Беннетт стоял у подножия возвышения. – Это честная сделка. Мы выдвигаемся в следующую пятницу.

– Замечательно, – ответила Келси. – Арлисс, дайте каждому по пять фунтов авансом.

– Пять фунтов каждому, Королевна!

– Вложение в репутацию, Арлисс.

– Премного благодарен, Ваше Величество, – сказал Беннетт. Остальные шахтеры согласно крикнули, столпившись вокруг Арлисса с голодным выражением на лицах. Арлисс достал из кармана маленькую книжечку и мешочек монет, непрерывно ворча, но Келси была уверена, что деньги потрачены не зря. В земле Тирлинга едва хватало металла на горстку горных бригад. Если шахтеры в Тире переведутся вовсе, королевству придется получать больше металла из Мортмина... то есть остаться вообще без него. Слева от Келси раздался громкий зевок: Пэн. Он очень устал: глаза глядели на всех мрачным, пустым взглядом, и он, казалось, похудел.

– Пэн, тебе нездоровится?

– Нет, госпожа.

На мгновение Келси вспомнила Мерна, чье хроническое истощение скрывало зависимость от морфия. Она моргнула и увидела темно-багровую кровь, капающую на ее сжимающую нож руку, потом потрясла головой, чтобы прогнать наваждение. Пэн никогда так не сглупит.

– Ты высыпаешься?

– Конечно, – Пэн улыбнулся особенной улыбкой, не имеющей никакого отношения к разговору, и Келси уверилась в том, что до этого только подозревала: у Пэна была женщина. Две пары выходных в месяц Булава занимал место Пэна в передней: обычно у королевских стражников не было свободного времени, но личный стражник – другое дело, ведь он работал вообще без передышки. Булава был отличной компанией, но Келси всегда чувствовала отсутствие Пэна. Последнее время она размышляла, что же он делает в свободное время, а теперь догадалась.

«Женщина», – немного мрачно подумала Келси. Она могла бы спросить об этом Булаву – он наверняка знал, – но потом пресекла свой порыв на корню. Хоть ее и терзало любопытство, это не ее дело. Она не знала, почему расстроилась, потому что по ночам думала вовсе не о Пэне. Но тот всегда был рядом, и она от него зависела. И теперь ей не нравилось, что он проводит время с кем-то еще. Она смотрела на Пэна так долго и пристально, что он, насторожившись, выпрямился на стуле.

– Что?

– Ничего, – устыдившись, пробормотала Келси. – Спи побольше, если есть возможность.

– Хорошо, госпожа.

Шахтеры, получив свои монеты, поклонились и последовали за Беннеттом прочь. Деньги приободрили их: направляясь к двери, они галдели, словно дети. Келси откинулась на спинку трона и обнаружила, что подле нее на столе стоит дымящаяся чашка чая.

– Ты чудо, Андали.

– Не совсем, госпожа. Я еще не научилась понимать, когда вам *не* хочется чая.

– Сэр. – Перед троном появился Кибб с конвертом в руке. – Последний доклад полковника Холла с границы.

Булава взял конверт и протянул его Келси, которая едва успела приняться за чай.

– У меня нет столько рук. Прочитай его, Лазарь.

Булава напряженно кивнул и принялся открывать конверт. Келси заметила, как на его щеках расцвели небольшие красные пятна, и задумалась, не следовало ли ей добавить «пожалуйста». Булава долго пялился в письмо.

– Что там?

– Ваше Величество! – отец Тайлер прыгнул вперед, да так неожиданно, что несколько стражников Келси сомкнули ряды, перехватывая его, и он отступил, подняв руки.

– Простите, забылся. У меня есть послание от святого отца.

– Оно может подождать?

– Нет, госпожа. Святой отец хочет отужинать с Вашим Величеством.

– Ах, – Келси прищурилась. – Так и думала, что у него какие-то жалобы.

– Не знаю, госпожа, – ответил отец Тайлер, но глаза от нее отвел. – Я лишь посланник. Но я подумал, мы с Булавой можем это уладить, прежде чем я уйду.

Келси не горела желанием знакомиться с новым святым отцом, чьи подчиненные уже читали целые проповеди о ее недостатках: отсутствие веры; социалистическая налоговая политика; ранний отказ выйти замуж и произвести на свет наследника.

– А если я не хочу с ним ужинать?

– Госпожа, – покачал головой Булава. – Не стоит враждовать со святым отцом. И вам может пригодиться Арват, если дело дойдет до осады.

– Для чего?

– В качестве приюта, госпожа. Это вторая по величине постройка в Новом Лондоне.

Келси понимала, что он прав, хотя от одной мысли обратиться за помощью к Церкви Господней кожа покрывалась мурашками. Она поставила чашку.

– Хорошо. Дай мне это письмо, Лазарь, и уладь все со святым отцом. Ведите сюда Его Святейшество как можно скорее.

Булава отдал ей письмо и повернулся к отцу Тайлеру, который заметно вздрогнул, отступая. Келси просмотрела письмо и подняла взгляд, довольная.

– Мы одержали тактическую победу на Мортийской равнине. Мортийский лагерь разбежался. По оценкам полковника Холла, на восстановление у них уйдет две недели.

– Хорошие новости, Ваше Величество, – заметил Элстон.

– Нет, не хорошие. – Покачала головой Келси, читая дальше. – Пути снабжения мортийцев не перерезаны. Пушки не повреждены.

– И все-таки вы выиграете время, – напомнил ей Пэн. – Задержка очень важна.

Выиграть время. Келси оглядела комнату и увидела – или ей это лишь показалось? – тот же вопрос на каждом лице. Когда время выйдет, что тогда? Тревоги не было: ее Стража явно ожидала, что она сотворит очередное чудо, как в Аргосе. Келси захотелось спрятаться от них, от спокойного доверия в их глазах.

Булава закончил с отцом Тайлером и вернулся на свое место у трона. Священник поднял руку, прощаясь с Келси, и она махнула в ответ, когда он пошел к двери.

– Что дальше? – спросила она Булаву.

– Знать ждет встречи с вами.

Келси закрыла глаза.

– Ненавижу знать, Лазарь.

– Поэтому я и подумал разделаться с ними побыстрее, госпожа.

Когда вошли аристократы, Келси поразила их одежда, показушная, как никогда. Сейчас, летом, никто не носил ни шляп, ни перчаток, но все благородные оделись по новой моде, с которой Келси уже сталкивалась: золото и серебро словно бы расплавили и пустили ручейками по ткани, и рубашки с платьями, казалось, истекали драгоценным металлом. На вкус Келси, смотрелось попросту неаккуратно, но они явно думали иначе. Карлин бы многое сказала об этом сборище: несмотря на собственное знатное происхождение, она ненавидела показуху. Келси не удивилась, увидев впереди группы высокую, напоминающую осу фигуру леди Эндрюс, завернутую в красный шелк. Она выглядела, если такое вообще возможно, еще более бесплотной, чем прежде, но в ее глазах читалась ненависть к Келси, на фоне которой другие черты лица просто терялись.

– Ваше Величество. – Вышедший вперед мужчина – крошечное существо с огромным пивным животом – склонился перед ней.

– Лорд Уильямс, – пробормотал Булава.

– Приветствую, лорд Уильямс. Что я могу для вас сделать?

– Мы пришли с общей жалобой, Ваше Величество. – Лорд Уильямс обвел стоящую позади него группу. – У нас всех есть собственность в Алмонте.

– И?

– Эвакуация уже принесла невероятные разрушения. Солдаты и беженцы идут по нашим землям, топча посевы. Некоторые беженцы даже осмеливаются мародерствовать на наших полях. И солдаты ничего не предпринимают.

Келси прикусила язык – она могла бы предвидеть подобный вопрос. Этим людям, в конце концов, было нечего делать, кроме как сидеть и подсчитывать доход до последнего пенни.

– У вас есть жалобы на насилие, лорд Уильямс? Вооруженное воровство, преследование ваших фермеров?

Глаза лорда Уильямса расширились:

– Нет, госпожа, конечно, нет. Но мы теряем деньги на поврежденных и украденных культурах, а также теряем время.

– Понимаю, – Келси улыбнулась, хотя это причинило ей боль. – И что вы предлагаете?

– Ваше Величество, это, право слово, не в моей компетенции...

– Говорите откровенно.

– Ну, я...

Еще один дворянин шагнул вперед, высокий мужчина с коротко подстриженными усами. После минутного раздумья Келси его узнала: лорд Эванс, владеющий обширными кукурузными полями к северу от Засушливых Земель.

– По моим сведениям, госпожа, ваши солдаты, охраняя беженцев, совершенно не следят за ними. Вы могли бы потребовать лучшего надзора.

– Потребую. Что-нибудь еще?

– Мои фермеры не могут работать, когда через поля идет армия бродяг. Почему бы не проводить эвакуацию ночью? Чтобы не прерывать работы.

Что-то вспыхнуло у Келси под ребрами.

– Лорд Эванс, полагаю, у вас есть резиденция в Новом Лондоне?

– Э-э, конечно, Ваше Величество. Моя семья владеет двумя.

– Значит, задолго до того, как придут мортийцы, вы просто перевезете семейство и ценности в город.

– Определенно, Ваше Величество.

– Рада за вас. Но этим людям не так легко переселиться из своих домов. Некоторые из них никогда раньше не покидали своих деревень. Большинство пойдет пешком, многие – с детьми на руках. Вы правда думаете, что я могу заставить их идти по незнакомой местности *в темноте*?

– Конечно... конечно, нет, Ваше Величество, – ответил Эванс, и его усы тревожно задержались. – Я только хотел сказать...

– Я это предвидела, – объявила леди Эндрюс, шагая вперед. – Право собственности в Тирлинге всегда было незыблемо.

– Осторожнее, леди Эндрюс. Никто не посягает на ваше право собственности.

– Они идут по нашим землям.

– Как шла и отправка невольников – каждый месяц. Должно быть, это внесло свой вклад в разрушение ваших дорог. Но тогда вы не жаловались.

– Я получала прибыль!

– Вот именно. Так и давайте говорить о том, что вас действительно волнует. Не право собственности, а право на получение прибыли.

– Прибыль там, где мы ее найдем, Ваше Величество.

– Это угроза?

– Никто не угрожает Вашему Величеству! – возопил лорд Уильямс. Он оглянулся на стоящую за ним группу, и некоторые судорожно закивали. – Леди Эндрюс не говорит за всех нас, Ваше Величество. Мы просто хотим уменьшить ущерб, причиняемый нашим землям.

Леди Эндрюс повернулась к нему.

– Если бы у тебя были яйца, Уильямс, мне бы не приходилось участвовать в этом фарсе!

– Держите себя в руках! – рявкнул Булава. Но предостережение прозвучало машинально, и Келси заподозрила, что Булава наслаждался этой сценой.

– В какой-то момент, Ваше Величество, – продолжила леди Эндрюс. – Мортийцам придется идти по моим землям. Я могу помешать им, а могу остаться в стороне.

Келси уставилась на нее.

– Вы так просто заявляете мне, что готовы пойти на измену? Здесь, в присутствии тридцати свидетелей?

– У меня нет такого намерения, Ваше Величество. Нет, если меня не принудят.

– Не принудят, – скривившись, повторила Келси. – Я знаю, как вы ведете себя во время войны, леди Эндрюс. Вы, вероятно, поприветствуете генерала Жено бокалом виски и бесплатным трахом!

– Госпожа! – взмолился Булава.

– Ваше Величество, умоляю вас! – прервал ее лорд Уильямс. – Пожалуйста, не принимайте слова леди Эндрюс как речь представительницы...

– Помолчите, Уильямс, – ответила Келси. – Я понимаю, зачем здесь леди Эндрюс.

Леди Эндрюс принялась изучать свои ногти, словно Келси потеряла для нее всякий интерес.

– У вас у всех, определенно, есть права собственности. Но права собственности не безграничны, во всяком случае, в моем Тире. Этих людей нужно эвакуировать, и их безопасность важнее вашей прибыли. Если будете упорствовать, мне придется прибегнуть к принудительному отчуждению частной собственности.

Несколько дворян ахнули, леди Эндрюс растерянно посмотрела на Келси.

Лорд Уильямс схватил леди Эндрюс за руку и зашептал ей на ухо. Она отмахнулась от него.

– Я сделаю все возможное для пресечения мародерства, – продолжила Келси. – Но если кто-либо из вас, – она смерила взглядом группу дворян, – кто-либо из вас воспрепятствует эвакуации, я даже думать не буду, а отберу ваши земли для всеобщего блага. Вы меня поняли?

– Мы поняли, Ваше Величество! – заблеял лорд Уильямс. – Поверьте. Спасибо, что делаете все, что можете. – Он потянул леди Эндрюс прочь от трона, но та снова от него отмахнулась, буравя Келси убийственным взглядом.

– Она блефует, Уильямс. Она не посмеет. Без поддержки дворянства она останется ни с чем.

Келси улыбнулась:

– И что мне ваша поддержка?

– Если мы откажемся от монархии, Келси Рэйли...

– Меня зовут Глинн.

– Если мы откажемся от вас, у вас не будет денег, не будет защиты, не будет опоры. Даже ваша армия ненадежна. С чем вы останетесь без нас?

– С народом.

– С народом! – передразнила леди Эндрюс. – Да они не посмеют даже взглянуть на высококородных, где уж поднять на них руку. Без силы, оружия или золота вы так же уязвимы, как и все остальные.

– Мое сердце трепещет.

– Вы не воспринимаете мою угрозу всерьез. Это ошибка.

– Нет, ваша угроза достаточно реальна, – признала Келси после минутного раздумья. – Но ваше завышение собственной значимости ошеломляет. Я поняла это сразу же, стоило лишь бросить на вас взгляд. – Она снова повернулась к остальным. – Я извиняюсь за неизбежное влияние на вашу прибыль. В этом году вам просто придется выделять немного меньше золота на наряды и надеяться, что стесненные обстоятельства не продлятся чрезмерно долго. Уходите.

Дворяне повернулись и двинулись к двери. На некоторых лицах читался гнев, но в основном они выглядели немного растерянными, словно земля ушла из-под ног. Келси нетерпеливо вздохнула, что, казалось, подстегнуло их.

– Дипломатия на высоте, госпожа, – пробормотал Булава. – Вы понимаете, что только усложнили мне работу?

– Мне искренне жаль, Лазарь.

– Вам нужна поддержка дворянства.

– Не согласна.

– Они держат общественность в узде, госпожа. Люди винят дворян и их надсмотрщиков в своих бедах. Уберите этот буфер, и они будут смотреть дальше по цепочке.

– Если их взгляды остановятся на мне, значит, я этого заслуживаю.

Булава покачал головой.

– Вы слишком категоричны, так не ведут борьбу за власть, госпожа. Кого волнует, что ваши дворяне лицемеры? Они выполняют полезную функцию.

– Паразиты, – припечатала Келси, но отступающая группа снова напомнила ей Лили Мэйхью. Лили жила в городе за высокой стеной, построенной для защиты от бедных. Но они с мужем все равно боялись внешнего мира. Была ли Келси лучше? Булава и Арлисс командовали строительством огромного временного лагеря недалеко от стен Нового Лондона, чтобы приютить беженцев. Но, если придут мортийцы, беженцев придется перевести в город, возможно, даже в саму Цитадель, так как Новый Лондон уже перенаселен. Не будет ли она возражать против новых соседей? Она на мгновение задумалась и с облегчением поняла, что не будет.

– Теперь мне придется присматривать за всеми этими щеголями, – озабоченно продолжил Булава. – Не думаю, что кто-либо из них вступит в прямые переговоры с Мортмином, но они могут прибегнуть к помощи посредника.

– Какого посредника?

– Большинство дворян люди набожные. Леди Эндрюс – постоянный гость в Арвате, а новый святой отец – не самый большой ваш поклонник.

– Вы шпионите за Церковью?

– Стараюсь быть в курсе, госпожа. Новый святой отец уже отправил несколько сообщений в Демин.

– Зачем?

– Еще не знаю.

– Эта сука Эндрюс не благочестивее меня, Лазарь.

– И когда это мешало кому-нибудь быть столпом Церкви?

Келси не нашлась, что ответить.

* * *

– Айса?

Маргарита учила их дробям, и Айсе было скучно. В дни, когда она накануне не высыпалась, в школе было тяжеловато. Воздух в классной комнате всегда казался слишком теплым, и Айса полудремала, одновременно бодрствуя.

– Две пятых, – ответила Айса, самодовольно ухмыльнувшись. Маргарет попыталась поймать ее врасплох. Маргарет, которой нравились все дети, Айсу совсем не любила. Казалось, Айса вызывала инстинктивное недоверие у взрослых, словно те знали, что она наблюдает за ними, ища ошибки и нестыковки. Но подловить на ошибке Маргарет оказалось удручающе трудно. Она была слишком красивой, и Айса подслушала, что она ходила в любовницах Регента, но даже Айсе пришлось признать, что ни в чем из этого Маргарет не виновата.

Кто-то резко ткнул Айсу в ребра: Мэтью, сидевший за ней, пихался, когда Маргарет отворачивалась. После нескольких тычков Айса обернулась, оскалив зубы.

Мэтью широко улыбнулся ехидной улыбкой: он добился своего, вывел Айсу из себя. Ее брат был отъявленным хулиганом, он не терпел сидящих тихо и безропотно и считал своим долгом все испортить. Маман относилась к Мэтью снисходительно, мол, Па был с ним суров, и он просто этого не выдержал. Айса считала, что это ерунда. Она взяла все самое худшее от Па, даже Вен это признал, но это не превратило ее в маленького придурка, который не мог оставить других людей в покое.

Мэтью снова пихнул ее ногой, угодив прямо под ребра. Что-то ухнуло внутри Айсы – густой, глубокий, словно гонг, отзвук, и, даже не успев подумать, она стремительно повернулась и бросилась на Мэтью, молотя его кулаками и ногами. Он оттолкнул ее и побежал, и, снова не подумав, Айса вскочила и бросилась за ним в коридор. Мэтью был на год старше и гораздо крупнее, но Айса была быстрее, и едва Мэтью достиг конца коридора, она догнала его и сбила с ног. Они рухнули на каменный пол одновременно – Мэтью кричал, Айса рычала. Она врезала кулаком Мэтью в горло, он закашлялся и подавился, а потом разбила ему нос отличным сильным ударом ладони. Ей нравился вид крови на белом, испуганном лице Мэтью, но тут мужские руки подхватили ее под мышки, оттаскивая назад. Айса замолотила пятками, но не могла найти опору на гладком каменном полу. Происходящее казалось нереальным: даже когда Айса подняла взгляд и увидела Маман, Королеву, остальных стражников, толпу людей с выпученными глазами, собравшихся в зале, это показалось всего лишь еще одной фазой бессонницы, что охватывала Айсу длинным лихорадочным наваждением. Сейчас она очнется в темноте с пересошим ртом и бешено колотящимся сердцем и обрадуется, что ничего не случилось. Ей просто надо было проснуться.

– Ваше Величество, простите нас!

Маман извиняется за нее. Она опозорила Маман. Королева лишь покачала головой, но Айса почувствовала раздражение в этом жесте, и в этом тоже не было ничего хорошего. Теперь в зал пришла и Маргарет. Она наклонилась к Мэтью, устремляя на Айсу ядовитый взгляд. Тот, кто вцепился в Айсу, теперь тащил ее назад, к коридору, и Айсе вспомнился Па, который вечно тянул и дергал.

– Отпустите!

– Заткнись, соплячка.

Булава, поняла Айса, и это лишь подтвердило серьезность того, что она только что натворила. Она уперлась пятками в пол, но это не помогло: Булава просто взял Айсу за руку и крутанул, сжимая ее запястье железной хваткой, волок ее по коридору. «Где Маман?» – судорожно подумала Айса. Воспоминание становилось все сильнее и сильнее, вытесняя реальность: Булава даже пах, как Па в конце дня, потом и железом, и Айса была готова скорее умереть, чем идти с ним. Она снова уперлась пятками, и, когда Булава повернулся, ногой пнула его в живот. Удар угодил прямо в цель, и Айса, хоть и испугалась, на краткий миг почувствовала удовлетворение: не всякому удавалось дать пинка Капитану Стражи. Булава закашлялся, сложившись пополам, одновременно швыряя Айсу к стене. Ударившись плечом, она отскочила и осела на пол, перед глазами заплескали черные пятна.

Ей потребовалось несколько секунд, чтобы прийти в себя, и вот она уже была готова пинаться и царапаться. Но Булава стоял, прислонившись к противоположной стене, держась за живот и глядя на нее все тем же испытующим взглядом.

– В тебе столько гнева, девочка.

– И что?

– Гнев – помеха для бойца. Я видел это множество раз. Если он не дает выхода гнев, или, по крайней мере, не обуздывает его, чтобы управлять им, он будет повержен.

– А мне-то что?

– Смотри. – Булава оторвался от стены, его массивный корпус навис над ней, и Айса напряглась, готовясь. Но он лишь указал на ее ногу. – Удар в живот – это хорошо. Но ты не спланировала его как следует, поэтому я не отключился. В настоящем бою ты бы уже была мертва. Ты должна прицелиться пальцем ноги, поймать меня его кончиком, а не стопой или голенью, и выбить из меня дух. Очень немногие мужчины могут продолжать драться, лишившись дыхания. Нацель палец как следует и сможешь даже повредить один из моих органов. А так мне просто останется на память приличный синяк.

Айса задумалась, украдкой поглядев на свои ноги. Она никогда ничего не планировала: просто так получалось, действия сами собой из нее выплескивались.

– И все-таки я вам врезала.

– И что с того? Любой мужчина в этом Крыле способен продолжать сражаться и после ударов посерьезнее. Я видел, как Королева заканчивала коронацию с ножом в спине. Боль отключает только слабых.

«Боль отключает только слабых». Слова задели Айсу за живое, заставляя подумать обо всех годах, проведенных под одной крышей с Па. Вен и Мэтью не избежали переломов, а плечо Вена неправильно срослось, придавая ему странный, слегка сторбленный вид, когда он пытался выпрямиться. Маман столько раз оказывалась бита, что некоторые синяки так и не сошли. А Айса и Моррин...

Боль отключает только слабых.

– Пойдем, чертовка. – Булава направился дальше по коридору, потирая живот. – Хочу тебе кое-что показать.

Айса осторожно следовала в нескольких футах позади него. Она никогда не заходила сюда: в этой части коридора в основном располагались стражники и их семьи. Ближе к концу Булава открыл одну из дверей и широко ее распахнул.

– Посмотри.

Опасливо на него поглядывая, Айса заглянула в дверной проем и моргнула от удивления. Она никогда не видела столько железа в одном месте. Комната мерцала в свете факелов.

– Оружейка, – выдохнула она, вытаращив глаза.

– Добро пожаловать в мои владения. – Высокий, худощавый мужчина с крючковатым носом поднялся из-за стола на другой стороне комнаты.

Айса его узнала: Веннер, оружейный мастер.

Даже в тех редких случаях, когда он появлялся в тронном зале, он всегда имел при себе оружие, меч, нож или лук, натачивая или настраивая их, словно те были музыкальными инструментами.

– Заходи, дитя.

Айса замешкалась лишь на мгновение. Детей никогда не пускали в оружейку. Вен умрет от зависти. Даже Мэтью обзавидует, хотя и попытается скрыть это за презрением. Столы были завалены мечами и ножами; оружие висело на стенах; какие-то длинные витые металлические орудия выше человеческого роста, прислонившись к стенам, указывали в потолок. Несколько палиц, стойка для луков, дерево, темная полированная бронза, связки палочек, в которых Айса, в конце концов, признала стрелы, сотнями лежали в углу. Столько оружия! Айса поняла, что это запасы для осады. Маман объяснила, что такое осада, но только Айсе и Вену. Она думала, что мортийская армия достигнет Нового Лондона к осени. Булава зашел в комнату вслед за ней и остановился возле стола с рядами ножей.

– Ты не должна драться с другими детьми. Нам нельзя отвлекаться.

– Это отвлекает только Маргарет.

– Сегодня это отвлекло всех. Ваши маленькие дразги не только шумны, но и опасны.

Айса вспыхнула. Она посчитала все драки, в которые ввязывалась с тех пор, как они прибыли в Цитадель, и ее щеки покраснели еще сильнее. Неужели все думают, что она просто хулиганка? Булава смотрел жестко, почти презрительно: он ждал, что она повинится. Она хотела удивить его, прямо как тем неожиданным ударом в живот.

– Иногда мною управляет гнев, и я не могу с ним справиться. Бью прежде, чем успеваю осознать, что творю.

Булава присел на корточки, губы растянулись в легкой улыбке.

– Смелое признание. Немногие мужчины признаются в своем гневе.

– Может, все дело в том, что я не мужчина.

– В оружейке это не важно. – Веннер шагнул в комнату. – Этому меня научила Королева. Здесь ты боец, и я буду относиться к тебе, как к бойцу.

Айса недоверчиво подняла взгляд и обнаружила, что Веннер держит на ладони нож, предлагая ей рукоять.

– Что скажешь, чертовка? – спросил Булава. – Хочешь научиться?

Айса окинула взглядом комнату, сваленное везде оружие, увешанные металлом стены. Она провела детство, постоянно сжимаясь от страха, стоило тени Па упасть возле нее, а когда поднимала голову и видела его, ее желудок словно рвался на части. Глядя на Веннера и Булаву, она видела, что их лица суровы, даже угрюмы, но подлости Па в них не было.

Она протянула руку и взяла нож.

Глава 3

Дукарте

В эру, изобилующую палачеством, мы все же должны особо отметить Бенина Дукарте.

Мученик Кэллоу, «Тирлинг как военная держава»

– Где он?

Королева услышала сварливые нотки в собственном голосе. Это было нехорошо, но она ничего не могла с этим поделать.

– Вот-вот должен прибыть, Ваше Величество, – тихо ответил лейтенант Валле.

Лейтенант был новичком в ее Совете Безопасности, заменив умершего Джина Доуэля, и он, казалось, постоянно обмирал от страха, боясь говорить громко. Королева, обычно ценившая сдержанность, внезапно обнаружила, что осторожность нового лейтенанта раздражает, и приказала ему замолчать.

– Я не с вами разговариваю. Мартин?

Лейтенант Мартин подтверждающе кивнул.

– Скоро прибудет, Ваше Величество. В сообщении говорится, его задержало срочное дело.

Королева нахмурилась. Десять мужчин сидели полукругом перед ее троном. Все выглядели измученными, особенно Мартин. Прошлый месяц он провел на севере: подавлял беспорядки в Ситэ-Марше. Сотни людей уселись перед Кабинетом Аукциониста и отказывались уходить, пока Корона не рассмотрит экономическую обстановку в городе. Это раздражало, но делать было нечего. У этих радикалов не было лидера, а бунт без лидера – как приливная волна: накатывает что есть сил, пока не натолкнется на скалу. Восстание в Калле провалилось аналогичным образом: движущая сила просто иссякла. Но бои в Ситэ-Марше шли тяжелые, погибло даже несколько солдат. Несомненно, многие из ее людей хотели бы отдохнуть. После этого совета она даст им несколько выходных.

Но совет не мог начаться без Дукарте. Ее начальник внутренней безопасности, без сомнения, устал сильнее всех остальных. Его люди провели недели, пытаясь выяснить, кто стоит за протестами в Ситэ-Марше, но пока безрезультатно. Однако в конечном итоге Дукарте своего добьется, всегда добивался. На его физической силе уже начал сказываться возраст, но в Мортмине едва ли нашелся бы более искусный дознаватель. Королева барабанила ногтями по подлокотнику своего трона, пальцы машинально касались груди. Казалось, сами то и дело туда направлялись. Это уже переросло в тик, а у Королевы Мортмина не было и не могло быть тиков. Это удел слабых и безмозглых.

Вторжение в Тирлинг началось с катастрофы. Известие достигло Демина неделю назад: ее армия оказалась застигнута врасплох и рассеяна по Мортийским равнинам. Потребуется несколько недель, чтобы собрать солдат и привести лагерь в порядок. Все это было катастрофой, но Королеве оказалось не на кого обрушить свою ярость: генерал Жено просто исчез. На Равнинах погибли более тысячи мортийских солдат, но тела генерала Жено не оказалось среди трупов.

«Лучше бы ему быть мертвым. Если я его найду...»

Движение тут же привлекло ее внимание. Рабыня стояла на коленях перед камином, подкладывая под дрова бумагу.

– Что ты делаешь?

Рабыня подняла голову, широко раскрыв глаза, испуганные, но и возмущенные.

Тирка, никаких сомнений: хотя она была темноволосой и довольно миловидной, у нее было угрюмое, тупое выражение лица тирской селянки. Королева перешла на другой язык.

– Мы не зажигаем никаких каминов в этом здании.

Девушка сглотнула и ответила по-тирски:

– Простите, Ваше Величество. Я не знала.

Такое могло быть? Королева отдала отдельное распоряжение насчет каминов. Придется поговорить об этом с Бериллом.

– Как твое имя, рабыня?

– Эмили. – Она даже это произнесла на тирский манер, без акцента.

– Только попробуй забыть, Эмили, и отправишься торговать собой на улицу.

Рабыня кивнула, забрала бумагу из камина и сунула обратно в ведро, потом встала с недоуменным выжидающим взглядом, только еще сильнее раздражая Королеву.

– Убирайся.

Девушка ушла. Королева почувствовала на себе вопрошающие взгляды Совета Безопасности. Сегодня утром в тронном зале было холодно: несомненно, многие из них ломали голову, почему не разожжен камин. Теперь Королева разрешала только факелы и печи в дворцовых кухнях, двадцатью этажами ниже. Даже Бериллу она не могла открыть правду: ей было страшно. Последние два месяца из Фэрвитча начали поступать тревожные слухи: шахтеры пропадали, дети исчезали, целая семья просто растворилась в своем доме в предгорьях. Темное существо всегда было голодно, Королева знала это лучше кого бы то ни было, но что-то изменилось.

Оно всегда удовлетворялось первопроходцами и охотниками за удачей, достаточно глупыми, чтобы попытаться счастья в Фэрвитче. А теперь расширяло свои охотничьи угодья.

Но как?

Вот в чем вопрос. Королева не знала всей странной истории темного существа, но не было никаких сомнений, что оно привязано к Фэрвитчу какими-то колдовскими силами. Оно могло перемещаться только в пламени, и даже такое усилие истощало его. Как ему удалось забрать целую семью в Арк-Норде, не оставив следов?

Оно освободилось?

Королеву бросило в дрожь от одной мысли. Темное существо запретило ей вторгаться в Тирлинг, а теперь знало, что она ослушалась. Но что ей оставалось делать? Оставить безнаказанным отказ Тира выплатить дань значило вдохновить каждого революционера Нового Мира. Беспорядки в Ситэ-Марше были лишь самым свежим примером. Последняя партия кадарской дани содержала грузы более низкого качества: плохое стекло, больные лошади, второсортные драгоценности со множеством изъянов. В Калле производство шелка упало до такого низкого уровня, что это могло означать только целенаправленное вредительство. Она легко читала эти знаки: страх – могучий инструмент, двигавший мортискую экономику, – ослабевал. Королева должна была вторгнуться в Тирлинг хотя бы с целью преподать наглядный урок, как сказал бы Торн. Но она ослушалась темное существо, и теперь оно, несомненно, ее вычислило. Гашение каминов было временной мерой, которая не сможет работать вечно.

«Это не важно», – настаивал ее внутренний голос. Она вторгнется в Тирлинг и сделает то, что должна была сделать еще много лет назад: заберет сапфиры.

Отчеты с Аргосского перевала, хотя до сих пор разрозненные и достоверно не подтвержденные, сделали ее курс предельно ясным. Тирские сапфиры до сих пор сохраняли свою силу, и, как только ей удастся их заполучить, она пронесется по Новому Миру, подобно урагану. Она зажжет какие угодно камины, и даже темное существо съжится под ее взглядом.

Но она все равно волновалась. Торн исчез.

Это был его особый дар – исчезать без следа, но капитан ее гвардии, Гислен, давным-давно верно оценил Торна: «Неизменно опасен, Ваше Величество, даже если стоит перед вами гол как сокол». Хотела бы она знать, где он.

Ни одному из ее полководцев не хватало духу спросить о камине. Валле все еще дулся от того, что ему приказали замолчать, словно мальчик, у которого отняли конфетку.

«Дети, – подумала Королева. – Все мои солдаты – дети».

Позади нее кто-то прокашлялся с таким безупречным сочетанием предупреждения и уважения, что это мог быть только Берилл.

– Ваше величество, Дукарте прибыл. Скоро будет здесь.

Королева кивнула, не отводя взгляда от темного камина. Ей показалось, что она что-то услышала. Мягкое шипение, словно искра пламени. Ее терпение было на исходе, и она не желала ждать Дукарте ни секундой дольше.

– Давайте начинать. Что там с Ситэ-Марше?

– Мятежники задержаны, Ваше Величество, – ответил Мартин. – По крайней мере, пока.

– Не будем называть их мятежниками, – перебил Визе. – Назовем их юнцами с излишками времени и денег.

Мартин покачал головой.

– Я бы посоветовал проявлять осторожность в оценке. Да, мы обнаружили множество заевшихся юнцов, и многие из них бежали при первых признаках реального конфликта. Но мы также нашли значительное число праздных бедняков, видимо, направляемых человеком по имени Левье. Некоторые из тех, кого мы взяли под стражу, умерли, даже не выдав его имени.

– Что еще?

– Почти ничего, Ваше Величество. Они почти ничего не знают. Никто никогда не видел этого Левье – приказы поступают через посредников. Судя по всему, он не в Ситэ-Марше.

– Это все?

– Это все, что у них есть, Ваше Величество, даю слово. Они ничего не знают. Отсюда моя осторожность: возможно, этот сброд нашел лидера, понимающего, как все организовать. Если так, дело может принять серьезный оборот.

Королева медленно кивнула, живот скрутило от беспокойства. Из камина снова раздалось шипение. Она резко обернулась, но ничего не увидела.

Возьми себя в руки!

Двойные двери в тронный зал распахнулись со скрипом: наконец-то пришел Дукарте, все еще кутающийся в дорожный плащ. Он волок за собой пленника в цепях и капюшоне.

– Прошу прощения за задержку, Ваше Величество! – крикнул он через комнату. – Зато я принес вам дар!

– Быстрее, Бенин. Мы вас ждали.

Дукарте подтащил пленника вперед, не обращая внимания на стоны, когда кандалы впились тому в окровавленные запястья. Нос и щеки Дукарте покраснели от утреннего холода, черные волосы начали редеть на макушке, но когда он дошел до стола и поднял на Королеву глаза под тяжелыми веками, она, как всегда, почувствовала успокоение от мрачной уверенности, которую они излучали. По крайней мере, рядом был человек, в котором не приходилось сомневаться.

– Что вы принесли мне на этот раз, Бенин?

Дукарте сорвал с пленника капюшон. Мужчина выпрямился и заморгал в свете факелов, и Королева тут же воспряла духом.

Генерал Жено.

– Я нашел его в подвале Дома открытых дверей в Арк-Перле, Ваше Величество, – объявил Дукарте и бросил конец цепи лейтенанту Визе, снимая плащ. – Целого и невредимого.

Королева изучающе посмотрела на Жено. Две тысячи солдат, находившихся под его ответственностью, при внезапном нападении погибли. Хорошо бы, чтобы он послужил примером... но не публично. Пока мало кто в Мортмине знал о катастрофе, развернувшейся на Равнинах, и она не хотела огласки.

Однако никогда не помешает напомнить Военному совету, кто здесь главный. Время от времени они порывались забыть.

– Дезертирам мы отрубаем головы, Винсент. Но генерал, который так зрелищно провалился, а потом дезертировал? Полагаю, вы – особый случай.

– Ваше Величество! – запротестовал Жено. – Я – носитель обширных знаний об армии, о техническом планировании. Я не хотел, чтобы мои знания попали в руки к тирцам.

– Как благородно. И что же за невежественная, но благонамеренная шлюха согласилась вас принять?

Жено покачал головой, но когда Королева повернулась к Дукарте, тот кивнул.

– Хорошо. Казните ее.

– Ваше Величество, я ничего не мог сделать! – завопил Жено. – Они напали так внезапно...

Королева не обратила внимания на его вопли. Она когда-то переспала с Жено, много лет назад, когда он был всего лишь лейтенантом, и другая женщина, возможно, приняла бы это во внимание. Но Королева уже отсеяла свои воспоминания. Жено оказался словоохотлив после секса, бесконечно бормотал, пока она пыталась поспать. Это послужило одной из причин, почему она не захотела «продолжения банкета». Королева была не единственной, кто боялся огня: дом, в котором Жено провел детство, сгорел, и он едва не сгорел вместе с ним, попутно получив несколько страшных ожогов. Это событие наложило отпечаток на взрослого Винсента: он по-прежнему панически боялся огня и сожжения.

Королева подалась вперед, переплетая пальцы, глядя в глаза Жено. Он всплеснул скованными руками, пытаясь отодвинуться, но было уже слишком поздно. Что-то проснулось внутри Королевы, голодная, алчная ярость, растекавшаяся в крови, воспламеняя отдельные нервы. Она ощущала тело Жено, пробуя его контуры, мягкую массу уязвимых клеток в ее руках.

Она смутно почувствовала, как полукруг ее советников неловко заерзал. Мартин, скрестив ноги, уперся взглядом в пол. Валле так просто отвернулся, уставившись в темный камин. Один лишь Дукарте охотно смотрел на Жено, и выражение его лица было таким же, как в тех редких случаях, когда Королева позволяла наблюдать за ней в лаборатории: внимательный и заинтересованный, он жаждал увидеть, что будет дальше.

Жено закричал.

Он оторвал от нее взгляд, но Королева уже овладела им, навалилась сильнее, ощущая его кожу, словно плотную, податливую ткань из плоти, что темнела и горела в печи ее разума. Его тело почернело, кожа обугливалась и хрустела, пока Королева не поняла, что может вывернуть его наизнанку, содрав кожу так же легко, как если бы он был свиной на вертеле. Военные не могли проигнорировать зрелище: даже те, что пытались отвести взгляд, теперь, замерев, пялились на Жено, пока его вой эхом отдавался от стен зала. Королева принялась за его жизненно важные органы, и Жено упал на пол, его крики стихали, пока не перешли в неглубокое бульканье. Самым простым оказалось его сердце: плотная перегородка из мышц, которую Королева пробила, словно бумагу, обдав огнем, а потом раскромсала на куски. Она почувствовала момент, когда он умер: связь между ними резко оборвалась у нее в голове.

Королева повернулась к остальным, ища несогласных. Теперь огонь внутри нее стал хищным и трудно управляемым, жаждущим новой цели. Но никто не хотел встречаться с ней взглядом. На полу осталась только обугленная, смутно напоминающая человеческую фигура.

Кто-то прочистил горло у нее за спиной. Королева повернулась, довольная, но это оказался лишь Берилл, с бесстрастным лицом протягивающий конверт. Она переборола не жела-

ющую подчиняться сущность внутри себя, хотя это и далось ей нелегко. Королева топтала ее, словно тушила огонь, пока не остался один лишь пепел. Когда пульс унялся, она почувствовала облегчение и сожаление. Она редко пользовалась этим даром, понимая, что от частого повторения влияние на окружение ослабевает, но как же прекрасно дать волю своей ярости! Теперь возможность выпадала нечасто.

Она взяла у Берилла конверт, отмечая, что тот уже вскрыл его, и внимательно прочитала прилагаемую записку. Беспокойство прорастало в ней с каждым словом. Удовлетворение от происшедшего испарилось, и она вдруг испугалась.

– Ты возвращаешься на север, Мартин. Огонь уничтожил главную казарму в Ситэ-Марше.

– Что за огонь, Ваше Величество?

– Неизвестно.

– Сколько погибших?

– Пока пятьдесят шесть. Вероятно, многие похоронены под обломками. Кто-то забаррикадировал двери снаружи.

Ее командиры молча переглянулись.

– Вы свободны – вы все, – кроме Дукарте. Идите займитесь этим беспорядком и принесите мне головы виновных.

Мартин заговорил дрожащим голосом:

– Армии нужен новый командующий, Ваше Величество.

– Свободен.

Они повскакивали со своих мест, далеко обходя обугленный труп Жено, и Королева еле сдержалась, чтобы не улыбнуться. Теперь на некоторое время она избавлена от скуких жалоб или тайных встреч этой кучки.

– Убрать, Ваше Величество? – спросил Берилл, кивая на труп.

– Когда закончим.

Берилл выпроводил военных и закрыл за собой дубовые двойные двери.

Остались только Королева и Дукарте.

– Что ж, Бенин, думаю, вы знаете, о чем я собираюсь вас просить.

– Думаю, вы хотите, чтобы я отправился в Ситэ-Марше, Ваше Величество. Казарма не могла загореться без посторонней помощи. Это заговор.

– Что вы знаете об этом Левье?

– Я несколько раз слышал это имя во время допроса. Похоже, никто не знает, ни как он выглядит, ни сколько ему лет. Это плохой знак: кем бы ни был этот ублюдок, он расчетлив и хитер. Террористическая тактика, которую мы в последнее время наблюдаем, нова, хорошо спланирована и разработана для того, чтобы нанести максимальный урон. У нас серьезные проблемы с безопасностью, Ваше Величество.

– Серьезные, – неохотно согласилась она. – И я знаю, что лучше вас их никто не решит, Бенин. Но я не могу назначить главнокомандующим никого из этих, – она махнула в сторону двери. Мы слишком давно не воевали, и у них недостает опыта. Мы можем назначить вашего заместителя ответственным за Ситэ-Марше, пока вас не будет. Он, кажется, в состоянии помочь Мартину. А вы нужны мне на границе.

– Я немного староват, чтобы снова отправляться на фронт, Ваше Величество. И мне нравится моя нынешняя работа.

Она вздохнула:

– Чего вы хотите, Бенин?

– Десять процентов добычи.

– Заметано.

– Не замечано, – Дукарте улыбнулся лисьей улыбкой, скользнувшей, словно льдинка, по ее позвоночнику. – А также первую партию детей из Кадара и Калле. Детей недостаточно с тех пор, как прекратились поставки из Тирлинга, а я последнее время что-то стал проигрывать мадам Арно: у нее какая-то закулисная договоренность с Аукционным кабинетом.

Королева медленно кивнула, уставившись в пол, не обращая внимания на вкус желчи в горле.

– Вы их получите.

– Тогда договорились. Какие-то особые указания?

– Выдавите Тир с холмов в Алмонт. Мы не можем пересечь границу в другом месте.

– Почему бы просто не обойти их с фланга? Пройти севернее, вдоль Фэрвитча?

– Нет, – твердо возразила Королева. – Я не хочу, чтобы армия приближалась даже на сотню миль к Фэрвитчу. Держитесь от него подальше.

Он пожал плечами.

– Вам виднее, Ваше Величество. Дайте мне несколько дней, чтобы привести в порядок дела, и отправьте Валле, чтобы оповестить границу, что я приеду. Не хочу урегулировать вопросы ранга, когда прибуду. – Дукарте накинул плащ на плечи. – Кстати, кое-что еще об этом лидере повстанцев, Левье.

– Да?

– Его акцент, Ваше Величество. Несколько заключенных об этом упомянули. Он хорошо спрятался, но его произношение говорит, что он не мортиец. Он тирец.

– Чтобы тирец разжигал восстание в Ситэ-Марше?

– Я мог бы выяснить это, Ваше Величество, но я еду на западный фронт.

Королева открыла было рот, чтобы отчитать его, но потом закрыла: новый командующий уже вышел из комнаты, окутанный вихрем холодного воздуха, развевающего его черный плащ. Тем не менее даже эта выходка, резкая и неуважительная, вселяла надежду. Дукарте придумает, как выдавить тирцев с Пограничных Гор: стратег он безжалостный. Дукарте – именно такой командир, в котором она сейчас нуждалась. Однако беспокойство вновь зашевелилось в ней сразу после его ухода. Почему темное существо запретило ей вторгаться в Тир? Оно защищает девчонку? В голову пришло неприятное подозрение: возможно, темное существо оценило ее. Оценило ту девчонку, как однажды оценило саму Королеву. С помощью темного существа она поднялась до великого владычества, но всегда знала, что эта помощь не бесплатна. Взамен она должна была найти способ освободить его из заключения в Фэрвитче. Но она достигла предела своих сил, по крайней мере, пока не завладеет тирскими сапфирами. Если она больше не нужна темному существу, тогда у нее нет никаких рычагов воздействия на него. Мысленно перебрав все свои проблемы, Королева поняла, что попала в беду. Мортийскую армию унизили на Равнинах. Темное существо хозяйничало за пределами своих границ. Повстанцы в Ситэ-Марше нашли лидера, коварного тирца без лица. Разум Королевы вгрызался в новые обстоятельства, неоднократно покусывая каждое из них, словно расковыривая язву, смакуя боль, но не находя решения.

За углом, в коридоре, ведущем к лестницам, рабыня Эмили, присевшая в глубоких тенях, выпрямилась. Она прибыла в Демин с партией дани в прошлом октябре, но на аукцион не выставлялась. Двое мужчин, оба очень вежливые, выбрали ее из клетки, раздели, тщательно осмотрели – на вшивость или уродства, поняла Эмили, – прежде чем посадить в повозку с несколькими другими рабами и рабынями, предназначенными для Демина. Эмили была высокой женщиной, красивой, но крепкой: как раз такой рабыней, как нравились Красной Королеве. Поэтому ее и выбрали. Эмили скучала по родителям, по братьям и сестрам, тосковала по ним каждый день. Но тоска бледнела по сравнению с тем, что больше никому из них не придется голодать. Поспешно осмотревшись, Эмили осторожно пошла по коридору, натянув

на лицо приветливую глуповатую маску, на случай, если кто встретится, и начала мысленно составлять послание Булаве.

* * *

– Королева Глинн.

Келси уронила карандаш, вздрогнув. Сегодня она сидела в библиотеке одна, редкий случай. Должен был прийти отец Тайлер, но он неожиданно-негаданно заболел и прислал извинения. Пэн, конечно, был с ней, но не нарушал ее одиночества: он задремал на соседнем диване, пока Келси работала. Если бы вошел Булава, он бы устроил Пэну взбучку, но Келси радовалась, что он немного поспит.

Теперь, когда тонкий шепелявый голос снова заговорил, Пэн, дернувшись, проснулся.

– Вы катитесь к смерти, Королева Глинн.

Келси повернулась и увидела перед собой младшую дочь Андали. Девочка была крошечная, настоящая пикси, тонкокостная, как Андали, с темными густыми волосами. Келси медлила: с детьми она обращаться не умела. Лучшее, что она могла придумать, так это говорить с ними, как с маленькими взрослыми. Но потом она заметила, что глаза девчушки, серые, как у матери, глядели далеко в пустоту. Ее обычно румяное личико – казалось, все дети Андали унаследовали цвет лица от отца – в свете свечей казалось бледно-молочным. Девочка была не выше рабочего стола Келси, совсем еще малышка, но Келси почувствовала внезапное желание отступить.

– Я вижу вас, Королева Глинн, – лепетала Гли. – Я вижу, что вы катитесь к смерти.

Келси вопросительно поглядела на Пэна.

Гли полагалось оставаться с Андали или Маргарет, но даже Келси знала об особенностях этого ребенка. Булава сказал, что она лунатик, и ее несколько раз находили блуждающей в неожиданных местах Королевского Крыла, даже в закрытых комнатах. Но Булава ничего не говорил о том, что Келси видела сейчас. Девочка не спала: ее глаза были открыты и куда-то вглядывались. Казалось, она не знала, где находилась.

Келси встала из-за стола.

– Гли, ты меня слышишь?

– Не прикасайтесь к ней, госпожа, – предостерег Пэн.

– Почему?

– Она в трансе, прямо как вы неделю назад. Андали тогда велела не трогать и не беспокоить вас. Думаю, и девчушку лучше не трогать.

– Пиковая дама, – глухо пробормотала Гли, уставившись через Келси в стену. – Переход. Мертвая рука алчна и пуста.

Мертвая рука. Келси ухватилась за это, потому что Мортмин переводилось примерно как «мертвая рука». Несколько членов Стражи, особенно Корин, обращались к Андали за советом, когда дело касалось здоровья, погоды или женщины. Отвечать или нет, Андали решала сама; она отклоняла вопросы, которые считала ниже своего достоинства, и решительно отвергала все хитроумные попытки Арлисса получить информацию о предстоящих пари. Андали, несомненно, обладала даром предвидения, но Келси никогда не задумывалась, что ее дети, возможно, тоже обладают этим даром. Гли пошла вперед, пока не оказалась лишь в футах от нее, и Келси вытянула руку, чтобы удержать ее, прежде чем они столкнутся.

– Не трогайте ее, Ваше Величество, – Андали вошла в библиотеку так же беззвучно, как и ее дочь. – Пожалуйста, оставьте ее в покое, я с этим разберусь.

Келси отскочила назад. Андали опустилась перед дочерью на колени, что-то тихо приговаривая, и Келси, всегда считавшая, что Андали любит всех своих детей одинаково страстно,

поняла, что ошибалась. У Андали была любимица: это ясно читалось по ее лицу, рукам, спокойному голосу.

– Ты зашла в темное место, моя куколка, – нежно пробормотала Андали. – И ты должна выйти. Пошли за мной.

– Я пойду за тобой, Маман, – пролепетала в ответ Гли.

– Иди за моим голосом, куколка. А когда увидишь свет, сможешь проснуться.

Еще несколько мгновений Гли стояла, тупо глядя перед собой. Потом моргнула, уставившись на мать широко распахнутыми глазами.

– Маман?

– А вот и ты, куколка. Добро пожаловать обратно.

Гли забралась Андали на руки. Андали уселась на один из диванов и начала укачивать девочку, которая тут же заснула.

– Пэн, оставь нас и проследи, чтобы нам не мешали.

Пэн вышел, закрыв за собой дверь.

– Прошу прощения, Ваше Величество, – тихо пробормотала Андали. – Гли не такая, как мои остальные. Я могу следить за ней в оба глаза, а мгновение спустя ее и след простыл.

Келси секунду помолчала.

– Она обладает вашим даром, Андали?

– Да. Но еще слишком мала, чтобы его контролировать. Я пыталась учить ее, но выкроить время не так-то просто, чтобы другие дети не ревновали. Гли еще не различает того, что следует рассказать, а что – оставить при себе.

– Уверена, она научится.

– Научится, но чем раньше, тем лучше. Дети вроде Гли – лакомая добыча.

– Со мной она в безопасности, Андали.

– Я же не из-за вас тревожусь, Ваше Величество, – задумчиво проговорила Андали, продолжая укачивать дочь. – Еще до того, как мою Гли выбрали в уплату дани, ее отец начал думать, как бы ее использовать. На словах он не заходил дальше того, чтобы таскать ее на собачьи бои ради своей выгоды, но я видела, что он подумывает о продаже. Возможно, он рассказал о Гли кому-то еще.

– Понятно, – Келси как всегда пришлось бороться с нездоровым любопытством относительно замужества Андали. – Когда вы были ребенком, вам было так же тяжело?

– Еще хуже, госпожа. Меня никто не направлял. Мать отдала меня на воспитание, когда я родилась.

«Прямо как меня», – удивленно подумала Келси. Андали и ее дети были так тесно связаны, что Келси представляла, будто она сама выросла в дружной семье.

– Долгое время мои приемные родители считали меня просто сумасшедшей. В Мортмине к таким вещам относятся с большим подозрением.

– Несмотря на Красную Королеву?

– Возможно, как раз из-за нее, госпожа. Мортийцы – люди скорее научного склада. Да, они ненавидят то, на что Красная Королева способна, но она слишком могущественна для них, чтобы ненавидеть ее саму. Обычно мортийцы быстро учатся скрывать подобные дарования.

– Лазарь рассказал мне, – хотя это всего лишь ходящие по Демину слухи, – что лаборатории Красной Королевы работают над дарованиями. Хотят выяснить, не передаются ли они генетически.

Андали слабо улыбнулась.

– Поверьте мне, госпожа, так оно и есть. Моя мать была одной из самых могущественных провидиц нашего времени. Мой дар – всего лишь тень ее. И я ужасно боюсь, Ваше Величество, что Гли скорее пошла в мою маму, чем в меня. Тогда мир для нее будет очень опасен.

– В каком смысле?

Андали задумчиво на нее поглядела.

– Госпожа, мы ведь доверяем друг другу?

– Я доверяю вам, как себе, Андали.

– Тогда я расскажу вам историю. Не могу утверждать, что она от начала и до конца правдивая, потому что в некотором роде это мортийская легенда, но легенда поучительная. Живет себе женщина, обычная жена, на краю Исчезнувшего Леса. Живет без происшествий. Скучает замужем за шахтером. Не любит хозяйничать. Ей нечем занять свои мысли, но вот однажды в деревню приходит предсказатель. Он красив, этот предсказатель, и показывает фокусы: читает по ладони, продает амулеты, у него даже есть древний магический шар. Его трюки весьма недурны, и он не новичок в отношениях со скучающими женами в маленьких городках. Женщина очарована, и очарование делает ее глупой. Проходит девять месяцев, предсказатель уже давно ушел, но у женщины рождается ребенок, крайне отличающийся от остальных. Этот ребенок может предсказывать погоду, знает, когда к деревне приближаются путники. Конечно, это ценные сведения для общины, но дар ребенка намного сильнее. Она может видеть не только будущее, но и прошлое, и настоящее, и истину во всем. Она знает, когда люди врут. Она – благо для своей крошечной горнорудной деревушки, которая начинает процветать, в отличие от соседних поселений. И все-таки ее жители крайне глупы. Они свободно говорят о ребенке. Восхваляют ее до небес. Хвастаются ею в Ситэ-Марше, не думая о том, что их страной теперь правит новая королева. Королева, которая считает, что имеет право обладать всем, до чего может дотянуться. Однажды в деревушку приходят солдаты и забирают девочку. Она – товар, столь же ценный, как хороший убийца или шпион. Даже более ценный, ибо ее дар обострится, когда она достигнет совершеннолетия. Она безбедно живет в Демине, но все же находится в плену, обреченная до самой смерти сидеть по правую руку от королевы.

«Старая провидица Красной Королевы, – догадалась Келси. – Ныне покойная. Карлин говорила о ней несколько раз. Как ее звали?»

– И все же, несмотря на это женщина не совсем зависима. У нее есть тайная жизнь, и она так умна, так одарена, что способна скрыть эту жизнь даже от Королевы Мортмина, имеющей самый страшный аппарат наблюдения со времен старых Соединенных Штатов. У провидицы есть мужчина, и она зачинает ребенка. Но она знает, что ребенок никогда не будет в безопасности. Ее хозяйка, Королева, интересуется наследственностью. Даже если ребенок не продемонстрирует вообще никакой одаренности, он проведет всю жизнь в лаборатории, подвергаясь всевозможным пыткам. Поэтому провидица выносит новорожденную девочку из Демина и отдает хорошим, как она думает, добрым людям, которые живут в Джардинсе, одном из беднейших районов Демина. Они всегда хотели ребенка – там малышка будет в безопасности. Но материнское чутье ее подвело. Ребенок обладает даром матери, да, нерегулярно и непоследовательно, но обладает. Она тоже может предсказывать будущее и видеть настоящее. Иногда она даже видит чужие мысли, так же ясно, как если бы они были ее собственными. Такой ребенок всегда будет опасным и ценным. Когда ее приемные родители влезают в долги, они, чтобы не потерять все, чем владеют, продают ее соседу, который тоже всегда хотел ребенка. Вот только, понимаете ли, не по обычным причинам. Он делец и хочет, чтобы она предсказывала колебания рынка. Она для него инструмент, и стоит ей ошибиться, он ее избивает.

Келси сглотнула:

– Как же вы выбрались?

– Я совершила свою собственную огромную ошибку. Был один мальчик, тирский раб, чьи хозяева жили по соседству с моим. Глупый, но настойчивый. Он начал ошиваться вокруг, когда мне исполнилось десять, и ответа «нет» для него не существовало. Он рассказывал мне о Тире, говорил, что мы могли бы сбежать и жить там свободной жизнью. Мальчик меня не интересовал, но когда мне исполнилось пятнадцать, у моего хозяина начались трудные вре-

мена, и не осталось свободного времени, чтобы торговать моим особым даром. Он планировал продать меня в Дом открытых дверей.

– Это...

Андали кивнула.

– В Тире такие места называются борделями, Ваше Величество. Столкнувшись с этим, я обратилась к тирскому мальчику. Думала, что он не причинит мне вреда.

Андали поглядела на спящую дочь, прислушалась к ее легкому дыханию.

– Мой дар, кажется, всегда подводит, когда я особенно в нем нуждаюсь. Борвен изнасиловал меня в первую же ночь, когда мы ушли из Демина, и насиловал каждую ночь после. Мы шли пешком, и я не могла его обогнать. К тому времени, как мы достигли Тирлинга, я уже знала, что беременна. Я не владела языком, а если бы и владела, Борвен ввел меня в заблуждение о природе возможностей в Тирлинге. Несмотря на все ужасы Мортмина, грамотная женщина там, по крайней мере, может заработать на жизнь, не раздвигая ноги: многие мортийки работают шахтерами и ремесленниками. Но я быстро обнаружила, что в Тирлинге так не получится. Борвен был силен и быстро нашел работу. А я не могла ничего найти, Ваше Величество.

Голос Андали повышался, и Келси, придя в ужас, поняла, что Андали, по-видимому, пытается оправдаться, отгоняя неизбежное осуждение.

– В пятнадцать никто не принимает правильные решения, Андали. Я и сейчас-то с трудом принимаю решения, касающиеся моей собственной жизни.

– Возможно, Ваше Величество, но если бы я знала, что моим детям придется расплачиваться за мои ошибки, я бы предпочла Дом открытых дверей. Я знала, что Борвен грубиян, но не знала – насколько, пока Айсе не исполнилось пять. Я пыталась отослать Айсу и Вена, но у нас не было друзей, которые могли бы забрать их в безопасное место. Да помогут мне небеса, я даже обратилась к нашему местному священнику, чтоб узнать, не возьмет ли он их на воспитание вместо десятины. Но священник наябедничал Борвену. Наконец, я попыталась убежать, но исчезнуть с детьми оказалось трудно, к тому же я постоянно ходила беременная. Борвен каждый раз меня находил, и если я отказывалась возвращаться домой, грозился отнять одного из детей. В конце концов, оказалось, что лучше держать их рядом с собой. По крайней мере, я могла им помочь и попытаться оградить.

– Разумно, – рискнула вставить Келси, не уверенная, так ли это. То, что она сейчас слышала, было настолько далеко от ее собственного опыта, что она даже не могла представить, как бы сама поступила. Мысли перескочили на ту женщину предпереходной Америки, Лили Мэйхью. Лили хотела убежать, но для одинокой женщины это было крайне небезопасно. Переход произошел более трех столетий назад, но тот мир внезапно подступил очень близко, отделенный лишь тонкой завесой времени.

«Великий боже, – мрачно подумала Келси, – мы что, правда недалеко от них ушли?»

– Возможно, это и было разумно, госпожа, – задумчиво проговорила Андали. – Однако мои дети очень страдали. И если на долю мальчиков выпали избиения, то на долю девочек – что похуже. Мой муж не слишком умен, но глупость делает его опасным. Он никогда не спрашивает себя, есть ли у него право делать то, что он делает. Ему не хватает ума, чтобы задаваться такими вопросами. Думаю, в этом-то и заключается суть зла нашего мира, Ваше Величество – в тех, кто считает, что имеет право творить, что вздумается, хватать, что хочется. Такие люди никогда не задумываются, имеют ли они на это право. Они не считаются ни с кем, кроме самих себя.

– И все же, частично это зависит от воспитания, – возразила Келси. – Все можно искоренить.

– Возможно, госпожа. Но, полагаю, Борвен таким уродился. – Андали поглядела на крепко спящую Гли, губы девочки округлились в букву «О». – Я знаю, что моей девчужке передалось от меня. Но постоянно боюсь, что остальные – возможно, дети своего отца. Я не

пойму, откуда у Айсы такой темперамент: из-за крови Борвена или его плохого обращения? У мальчиков – свои проблемы.

Келси закусила губу, но потом решилась:

– Лазарь говорил мне, что у Айсы отличные навыки, особенно владения ножом. Веннеру нравится обучать ее куда больше, чем меня.

Андали поморщилась.

– Сражения – не то, чего я бы для нее пожелала, Ваше Величество. Но теперь я вижу, что решить ее проблемы не в моих силах. Я ценю, что вы дали ей этот выход, возможно, это смягчит бурлящий внутри нее гнев.

– Не благодарите меня, это идея Лазаря.

– Ах. – Андали закрыла рот, вот и весь разговор.

Андали с Булавой были теми еще союзниками, не одобряя друг в друге решительно все. Келси обдумывала, что сказать дальше, но следующая реплика Андали прозвучала нарочито резко, закрывая, словно захлопывая книгу, предыдущую тему.

– Видение моей Гли, может, еще и не сформировалось, госпожа, но я бы посоветовала вам к нему прислушаться.

– Как?

– Вас мучает мортийская проблема, госпожа. Вы не спите. Вы опасно похудели.

«Значит, Андали тоже заметила». Келси, правда, не поняла, радоваться этому или нет.

– А еще я думала над нашими бедами. И не вижу решения: мортийская армия слишком сильна. Но мы с Гли видим общие элементы в вашем будущем. Рука держит два драгоценных камня, но в то же время кажется какой-то пустой. Привлекательный человек, чье лицо скрывает уродство. Игральная карта, дама пик. Бездна под вашими ногами.

– И что все это значит?

– Не могу сказать, госпожа.

– Тогда я не знаю, какой мне в этом прок.

– Порой никакого прока, Ваше Величество. Многие заблуждаются, чересчур полагаясь на видения. Но я призываю вас запомнить эти элементы, ибо они могут оказаться полезными, когда вы меньше всего этого ожидаете. Говорю, исходя из своего опыта.

Келси одну за другой обдумала все вещи. Пиковая дама. Раз в неделю Келси играла в покер с пятью своими стражниками и хорошо знала пиковую даму: высокая, гордая женщина с оружием в каждой руке. Но что с того? Только одно из предзнаменований, казалось, хоть на что-то годилось: привлекательный человек. Им вполне мог оказаться Ловкач, но, несмотря на все, что она о нем знала, Келси не верила, что он чудовище. С тех пор, как она взошла на трон, интуиция пару раз ее подводила, но не настолько же. У Ловкача, что и говорить, были свои интересы, но на обмане он не попадался.

– Будьте осторожнее, Ваше Величество, – предостерегла Андали. – Я знаю вашего черно-волосого мошенника. Но речь о другом. Красив, как грех, тот другой, но под приятным лицом – ужас, и с ним приходит страдание. Будьте начеку.

Келси кивнула, хотя и не определилась, поверила ли она всему этому. Она посмотрела на спящего ребенка на руках Андали и снова почувствовала на своих плечах огромный груз ответственности. Столько жизней, за которыми надобно каждый день присматривать, и в довершение – великий мортийский кошмар на горизонте. Тяжкое бремя, но ее собственное. И даже в самые сложные моменты она признавала, что боролась за это. Даже зная она все наперед тем поздним вечером, когда стражники подошли к коттеджу, она бы все равно пришла, и теперь это было ее бременем, до конца.

Это конец?

Келси не знала, но один из образов Андали засел в голове, лишив ее покоя до конца дня: пиковая дама.

* * *

– Сэр!

Взглянув вверх, Холл вздрогнул. Лезвие дрогнуло в его руке, и, поцарапав челюсть, он зашипел от досады.

– Что такое, Блазер?

– Разведчики вернулись, сэр. Есть проблема.

Вздыхнув, Холл стер с лица пену, криво ухмыляясь. Такое ощущение, что в последнее время, каждый раз, как он собирался побриться, возникала какая-то проблема. Бросив полотенце в угол палатки, он схватил с прикроватного столика подозрную трубу и вынырнул наружу.

– Что такое?

– На рассвете из западной Веринны выехали пять человек. Мы приняли их за посланников, но все-таки проследили.

– И?

– Теперь Лью уверен, сэр. Это Дукарте.

У Холла скрутило живот. Не такая уж неожиданность, но все равно стало страшно: Бенин-Палач. Холл бы предпочел иметь дело с Жено, но после нападения его в лагере не видели. Он погиб или убежал, так что легких побед больше не предвиделось. Блазер тоже выглядел обеспокоенным, поэтому Холл заставил себя улыбнуться и похлопал его по плечу.

– Далеко?

– Несколько часов. Не более.

Холл навел подозрную трубу на раскинувшиеся внизу палатки. Он и его люди получили немало удовольствия, наблюдая, как мортийцы разгребают лагерь: гремучие змеи оказались хитроумными гадинами, внезапное перемещение из лежбищ на склоне ничуть не повлияло на их инстинкт самосохранения. Хорошенько подкрепившись, они ушли под землю, найдя лучшие укромные места в лагере, и спали там весь день. Ночью крики продолжились, как по расписанию. Первые две недели Холлу нравилось наблюдать за мортийским лагерем. Им пришлось использовать львиную долю нефти.

Но им всегда приходила еда и нефть, с юго-востока тек неумолимый поток припасов, и змеи или не змеи, а в центре лагеря под усиленной охраной по-прежнему стояли пушки. Они обсуждали и отвергали десятки планов борьбы с ними, и все частенько заканчивалось тем, что Блазер с майором Кэффри орали друг на друга, пока Холл не приказывал им заткнуться. Он без труда читал эти знаки: несмотря на одержанную победу, их боевой дух падал.

Холл перевел подозрную трубу к подножию холма, где мортийцы складывали своих погибших в огромный костер. Зажгли его на прошлой неделе, но даже сейчас струйки дыма по-прежнему курились над обгоревшими останками. Запах стоял отвратительный, и Холлу пришлось менять вахты в два раза чаще. Теперь лагерь был полностью очищен от мертвых, и мортийские солдаты, прислонившись к палаткам, болтали, сняв рубашки, чтобы погреться под июньским солнцем. Три отдельные группы солдат сгорбились над столами и, опрокидывая кружку за кружкой эля, играли в карты. Холл даже заметил одного солдата, загорающего на крыше повозки с продовольствием. «Словно экскурсанты на отдыхе».

Мортийцы несколько раз пытались напасть на подножие холма, но лучники Холла всякий раз их отгоняли. В отсутствие Жено или другого генерала эти атаки были плохо спланированы и неорганизованно исполнены. Холл видел их за милю, но это не могло длиться вечно. Он перевел трубу на восток и с легкостью обнаружил отряд: группка одетых в темное фигур, медленно и уверенно движущихся по равнинам. Он не мог различить их черты, но не сомневался

в Лью с его врожденной внутренней подзорной трубой. Холл никогда не воевал с Дукарте, но был наслышан о нем от Бермонда: от его воспоминаний о генерале стыла кровь в жилах.

– Дукарте проявит больше изобретательности, – заметил Холл. – И доставит куда больше хлопот.

– Если они попытаются обойти нас на севере, мы не сможем их сдержать, – предупредил Блазер. – Слишком обширная территория.

– Они не будут обходить.

– Откуда вы знаете, сэр?

– У Булавы есть источник в Демине. У мортийцев приказ не соваться в Фэрвитч, даже в предгорьях. Здесь или нигде, – Холл опустил трубу. У него вспотели ладони, и он надеялся, что Блазер не заметит. – Велите дозорным меняться на деревьях и не спускать с неприятеля глаз. При любых изменениях мортийских сторожевых линий сразу ко мне.

Блазер ушел, бормоча себе под нос, и Холл снова принялся бриться, хотя на этот раз его рука была не столь тверда: проведя бритвой по подбородку, он почувствовал, как лезвие вспарывает кожу. У Холла не было родных, его родители умерли несколько лет назад, пали жертвой зимней лихорадки, охватившей все деревушки на склоне. Но то, что угрожало Тиру сейчас, было куда хуже, и прибытие Дукарте только еще больше омрачало перспективы. В последнее вторжение, по данным Бермонда, Дукарте обожал бросать тирских заключенных в загоны к голодным медведям. Он не проявлял никакой пощады к пленным, даже к раненым. И какая-то часть Холла невольно задумывалась, обдумывала ли это Королева, прежде чем нарушать договор и распахивать дверь перед врагом. Это Королева обрушила на них войну, и на одно тяжелое мгновение Холл начал проклинать ее, спокойно сидящую на своем троне в Новом Лондоне. Холл смутно помнил какую-то библейскую историю из детства о маленьком человечке, сразившимся с великаном и вышедшим победителем... однако мортийцы стоили десятка великанов. Даже после победы, одержанной две недели назад, мортийских солдат по-прежнему было более чем в четыре раза больше: достаточно, чтобы расколоть и раздавить тирскую армию с нескольких направлений. Королева не думала о солдатах, только о принципах, а принципы – слабое утешение для людей, обреченных на смерть. Холл ломал голову, действительно ли она волшебница, как говорили слухи, или это лишь сказка, разносимая Булавой. Слухи плохо вязались с женщиной, которая сидела на троне: ребенком с совиным взглядом. Холл уже оценил ситуацию глазами военного – все было потеряно. Но интуиция слушала логику, а его чутье не позволяло ему сдаваться.

«Она может спасти нас, – упорно думал он. – Может».

Глава 4

Вопросы совести

Спасайтесь, мы в руках волка.
Джованни де Медичи, после восхождения Родриго Борджиа, папы
Александра VI

Казалось бы, отец Тайлер должен был чувствовать умиротворение. Он читал, сидя за столом в удобном кресле, а чтение обычно его успокаивало, напоминая, что за пределами этого мира существует другой, лучший, кажущийся почти осязаемым. Но в этот редкий день чтение не принесло ему покоя. Тайлер уже несколько раз перечитал одну и ту же страницу, прежде чем наконец сдался и отложил книгу. Свеча на его столе покрылась подсохшими капельками воска, и Тайлер принялся бездумно их отковыривать. Пальцы работали независимо от мозга, ковыряя и ковыряя, пока он таращился в окно.

Святой отец умер две недели назад, в последний день мая. Кардинал Андерс преуспел в конклаве так скоро, что несколько кардиналов из наиболее отдаленных мест, приехав, обнаружили его уже в кресле святого отца. Святой отец выбрал Андерса своим преемником много лет назад, распознав столь же острый, как у самого себя, политический ум. Все шло, как задумывалось.

Но Тайлеру было страшно.

Новый святой отец успел проявить интерес ко многим вещам. Он немедленно избавился от пяти кардиналов с известными реформаторскими взглядами, которые выступали против его избрания. Их епархии отошли знатным отпрыскам за более чем тысячу фунтов каждый. Также новый святой отец нанял шестнадцать новых счетоводов для Арвата, увеличив их число до сорока. Некоторые из них даже не были рукоположены, иные выглядели и разговаривали, словно святой отец подобрал их прямо на улицах Кишки. Тайлер и его братья не знали наверняка, но вывод казался очевидным: ожидается дополнительный приток денег.

Собственной позиции Тайлера тоже никто не отменял. Старый святой отец был слишком озабочен борьбой со смертью, чтобы призвать Тайлера к ответу, но Тайлер знал, что рано или поздно новый святой отец обратит на него пристальное внимание. Уже в минувшее воскресенье во время собрания Тайлер заметил, что Андерс ищет его глазами в толпе. Андерс хотел получить порочащие сведения о королеве Келси, а Тайлер их не предоставил. Королева уже предприняла несколько шагов, предвещающих беду Церкви, начиная с запрета использовать малолетних как церковных прислужников в счет уплаты долгов по десятинам. Тайлер, сам некогда бывший таким прислужником, провел счастливое детство, но он понимал и резоны Королевы: не все священники были отцом Аланом. Теперь приходам придется нанять настоящих прислужников и выделять им жалование из денег, уже предназначенных для казны Арвата.

Но худшее ждало впереди: Королева сообщила, что со следующего года церковное имущество вновь будет облагаться налогом. Начиная с января Церкви придется платить налог со всех своих владений, раскиданных по Тирлингу, включая тысячи акров высокоурожайных угодий в северном Алмонте. Для Арвата это была финансовая катастрофа. Прибегнув к помощи острого на язык, но, безусловно, умного Казначея, Королева упредила протесты святого отца, объявив, что частные земельные владения Короны тоже лишатся всех поблажек. Королева будет платить налог наравне с Церковью, а деньги пойдут на общественные работы и социальные сферы.

Без принуждения эти указы ничего не значили. Но из подслушанного в Цитадели разговора Тайлер также знал, что Королева с Арлиссом начали потихоньку преобразовывать значительную часть Бюро переписи под сбор налогов. Умный ход. В каждой деревне Тирлинга уже

имелся Распорядитель переписи, отслеживающий население. А отследить еще и доходы – не такая уж большая нагрузка. Арлен Торн завизжал бы как резаный, но он куда-то задевался, а без него Перепись стала гораздо более податливой. У Короны найдется множество людей, готовых проверить, что Церковь Господня отчиталась за каждый заработанный фунт.

Этим утром по коридорам этажа опочивален разнеслась весть, проворная, словно ртуть: сегодня в девять вечера все собираются в башне. Никто не знал, о чем пойдет речь, но святой отец настаивал, чтобы явился каждый священник Арвата. Устраивать подобную встречу было не в характере Кардинала Андерса, который обычно работал в тени, встречаясь с людьми один на один, так что никто не догадывался о его планах. Тайлер предчувствовал, что грядет что-то страшное. Было восемь тридцать.

– Я знаю, что вы знаете, священник.

Тайлер вскочил на ноги, опрокинув свечу, и, повернувшись, увидел Булаву, прислонившегося к стене рядом с книжными полками.

– Вы знаете, что я не умею читать.

Тайлер уставился на него, безмолвно и испуганно. Он понимал, что в прошлый раз ступил на тонкий лед, вклинившись в разговор Королевы, но он не мог спокойно смотреть, как Булава юлит, словно пойманная на крючок рыба. И порыв Тайлера сработал, потому что Королева забыла о записке. Только встретившись с Булавой взглядом, он увидел в нем пламя, ад и убийство.

– Как вы узнали? – спросил Булава.

– Догадался.

– Кто вам сказал?

– Никто.

Булава выпрямился, и Тайлер закрыл глаза, пытаясь молиться. Булава убьет его, и последняя, странная мысль Тайлера была о том, что мужчина оказал ему большую честь, придя лично.

– Научите меня.

Тайлер распахнул глаза:

– Чему научить?

– Как читать.

Тайлер поглядел на закрытую дверь своей комнаты.

– Но как вы сюда попали?

– Всегда есть другая дверь.

Прежде чем Тайлер успел это обдумать, Булава метнулся вперед, по-кошачьи бесшумно.

Тайлер напрягся, вжавшись в стул, но Булава просто схватил другой стул, стоявший у полки с книгами, поставил перед Тайлером и уселся со свирепым выражением лица.

– Научите?

Тайлер задумался, что случится, если он откажет. Возможно, Булава и не собирался его убивать, но это всегда могло измениться. Булава присоединился к Страже Королевы Элиссы в возрасте четырнадцати лет, сейчас ему было, по крайней мере, сорок. Любому нелегко скрыть свою неграмотность, но королевскому стражнику, должно быть, практически невозможно. И все-таки все эти годы Булава как-то справлялся. Тайлер опустил взгляд и увидел нечто невообразимое: рука Булавы, опирающаяся на подлокотник стула, дрожала – легкий трепет, практически незаметный. Каким бы невероятным это ни казалось, Тайлер понял, что Булава боится.

«Меня?»

«Конечно, нет, старый дурак!»

«Тогда чего?»

Подумав еще немного, он понял: Булава ни у кого не мог попросить о помощи. Тайлер глядел, дивясь, на страшного человека, сидящего напротив, – каким нужно обладать мужеством, чтобы сюда явиться! – и ответ выскочил сам собой:

– Научу.

– Хорошо. – Булава по-деловому наклонился вперед. – Давайте начнем прямо сейчас.

– Не могу, – ответил Тайлер, с сожалением поднимая руки, когда Булава помрачнел. – В девять часов у нас общая встреча в часовне. – Он поглядел на часы. Было без четверти девять. – Собственно, я уже должен идти.

– Что за встреча?

– Не знаю. Святой отец требует, чтобы присутствовали все священники Арвата.

– И много прошло таких встреч?

– Эта первая.

Булава прищурился.

– Приходите завтра, сразу после ужина. В семь часов. Тогда и начнем.

Булава кивнул.

– В какой часовне будет эта встреча? В главной или в личной часовне святого отца?

– В главной, – приподнимая брови, ответил Тайлер. – Вы очень хорошо знаете Арват.

– Конечно, знаю, – в голосе Булавы послышался намек на презрение. – Моя работа – узнавать об опасности для моей госпожи.

– Что это значит?

Булава подошел к вешалке Тайлера и стянул мантию с крючка.

– Вы неглупый человек, священник. Папа и короли – никудышные союзники.

Тайлер подумал о новых счетоводах, больше похожих на уголовников, чем на священников.

– Я всего лишь казначей.

– Больше нет. – Булава накинул выходную мантию. Мантии священников обычно свисали свободно, но на массивном теле Булавы ткань сидела туго. – Вы Священник Цитадели, отец. Рано или поздно придется выбрать сторону.

Тайлер уставился на него, не в состоянии ответить, когда Булава провел рукой по стене рядом со столом. Могучая длань замерла, затем с усилием надавила, и у Тайлера отвисла челюсть при виде распахнувшейся двери. Двери, края которой оказались умело скрыты неровной кладкой стены. Булава шагнул в темноту, но затем вновь просунул голову в комнату Тайлера, в его темных глазах поблескивали смешинки.

– Завтра в семь, отец. Я приду.

Мгновение спустя перед Тайлером не осталось ничего, кроме обычной каменной стены. Прозвонил возвещавший о встрече колокол, и он подпрыгнул, поняв, что опаздывает, схватил одну из своих ряс, накинул через голову и бросился по коридору. Артрит, засевший в бедре, требовал помедлить, но Тайлер не обратил на него внимания, подгоняя себя еще сильнее. Если он опоздает, святому отцу непременно доложат.

Вбегая в дверь часовни, Тайлер обнаружил своих братьев-священников, уже выстроившихся в длинные ровные ряды по обе стороны от центрального прохода. На трибуне, возле пьедестала, стоял святой отец, его острый взгляд, казалось, прожег Тайлера, когда он застыл в дверном проеме.

– Тай.

Он опустил взгляд и увидел, что Вайд, сидящий на краю последней скамьи, подвинулся, освобождая ему место. Тайлер благодарно кивнул, втискиваясь, и уважительно склонил голову. Но беспокойство никуда не делось. Вид Андерса в белой рясе по-прежнему повергал Тайлера в шок. Для него – и, без сомнения, для многих других старейших священников – святой отец был и всегда будет старым, морщинистым человеком, ныне погребенным под Арватом. Тайлер не скорбел по старому святому отцу, но не мог отрицать, что он оставил след на этом месте: слишком уж долго на нем сидел.

Андерс поднял руку, призывая к тишине, и шарканье прекратилось. Все в комнате застыло, словно окаменев.

– Братья, мы не чисты.

Тайлер резко поднял голову. Андерс смотрел через комнату с доброжелательной улыбкой, подобающей святому отцу, но его глаза были глубоки и темны, наполнены праведным гневом, от чего желудок Тайлера скрутила тревога.

– Заболевание начинается с заражения. Бог требует, чтобы мы искоренили заразу и вырвали с корнем болезнь. Мой предшественник терпел, закрывая глаза. Я не стану.

Тайлер с Вайдом недоуменно переглянулись. Конечно, старый святой отец терпел множество пороков, но эти пороки, казалось, не должны были беспокоить Андерса. Андерс держал двух личных служанок, молодых женщин, переданных ему их семьями вместо десятины. Когда Андерс переехал в роскошные апартаменты святого отца на вершине Арвата, женщины последовали за ним, несмотря на то, что резиденция была оснащена армией прислужников, готовых выполнить каждую его прихоть. Андерс мог называть своих служанок как угодно, но все знали, кем они были. Новый святой отец был не чужд пороку, но сейчас, когда он повернулся и махнул кому-то за кафедрой, свет упал на крошечный золотой молоточек, приколотый к белоснежным одеждам, и Тайлер застыл от внезапного понимания.

Из коридора за кафедрой появились два помощника святого отца. Между ними шел отец Сэт.

Тайлер еле сдержал стон. Сэт с Тайлером получили рукоположение в один год, но Тайлер его уже довольно давно не видел. С тех пор, как Сэт получил приход в Бернеме, в Южном Реддике, он редко посещал Арват. Он был хорошим человеком и хорошим священником, так что никто даже не говорил о том, что все прекрасно знали. Еще когда они были послушниками, Сэт предпочитал мужчин. Будучи счетоводом, Тайлер знал, что Сэт держал в Реддике компаньона, слишком старого мужчину, чтобы быть прислужником священника, хотя в записях Сэта он значился именно так. С появлением прислужника расходы Сэта существенно увеличились, но Тайлер не обратил на это внимания: священники и кардиналы по всему Тиру держали сомнительных компаньонов и платили за них по той же гибкой отчетности. Но прислужник Сэта был «неправильного» пола, и Андерс, должно быть, прознал об этом.

– Я переверну всю Церковь, но искореню отступников! – взревел Андерс.

Тайлер никогда раньше не слышал, как Андерс проповедует, и отдаленная часть его сознания отметила, что у него чудесный поставленный голос, глубокий и гулкий, достигающий самых дальних уголков часовни и эхом возвращающийся обратно.

– Мы добьемся очищения! И начнем с этого существа, священника, который не только нарушил закон Божий, но и использовал церковные средства, чтобы субсидировать свою болезнь! Поддерживая нечистый образ жизни десятиной прихода!

Тайлер прикусил губу, жалея, что не имеет смелости говорить.

То, что происходило здесь, было неправильно, и сидящий рядом с ним Вайд тоже об этом знал: он посмотрел на Тайлера беспомощными, блестящими глазами. Все эти годы, с той семинаристской поры, Вайд с Сэтом тоже были добрыми друзьями.

– Бог опозорен! И за каждый позор он требует мщения!

Услышав это, Вайд закрыл глаза и опустил голову. Тайлеру хотелось кричать, чтобы громкое эхо обрушило сводчатый потолок у них над головами. Но он молчал.

– Сэт забыл свой долг перед Богом! Мы должны ему напомнить! – Голос Андерса внезапно упал, он нырнул за стол. А когда выпрямился, в руках у него оказался нож.

– Господи, – пробормотал Вайд. Тайлер лишь удивленно моргнул: может, ему просто снится сон, вдруг превратившийся в кошмар? Станный визит Булавы, тревожный вид Капитана Стражи в церковных одеяниях, а теперь эта ужасная сцена в свете факелов: бледное лицо Сэта, страх, пробудившийся в его глазах, когда он увидел нож в руке Андерса.

– Обнажите его.

Двое прислужников схватили начавшего сопротивляться Сэта. Но Сэт, как Тайлер и Вайд, разменял восьмой десяток, и двое юношей легко его скрутили. Один заломил Сэту руки за спину, пока другой разорвал рясу спереди и сорвал остальное. Тайлер отвел глаза, но не раньше, чем увидел свидетельства возраста на теле Сэта: узкую, впалую белую грудь; руки и ноги, утратившие тугие мышцы, обвислую дряблую кожу. Тайлер видел почти то же самое, когда смотрел на свое тело, ставшее бледным и вялым. Он вспомнил лето, полжизни назад, когда их церковный класс путешествовал по побережью к Новому Дувру, чтобы посмотреть на Океан Господень. Он был чудесный, огромный, сверкающий и бесконечный, и когда Вайд скинул свое одеяние и бросился к краю утеса, они, не задумываясь, последовали за ним, прыгая со скал и несясь тридцать футов вниз. Вода оказалась ужасно холодной, мучительной, но солнце светило, яркий золотой лик над безграничным голубым океаном. В этот момент Тайлер не сомневался, что Бог смотрит прямо на них и бесконечно доволен тем, кем они становятся.

– Наша вера дала слабину, – объявил Андерс. Его глаза горели страшным жаром, и Тайлер вспомнил, что он когда-то слышал, будто, состоя в антисодомическом отряде Регента, Андерс однажды чуть не убил юного гомосексуалиста, колотя его доской, пока мальчик не потерял сознание, истекая кровью. Другим головорезам Регента пришлось оттащить Андерса, или он бы, несомненно, убил молодого человека прямо на улице. Тайлер с ужасом начал осознавать, что намечалась не просто показательная порка: Сэту угрожала нешуточная опасность. Взглянув наверх, он увидел массивную фигуру в белых одеяниях, притаившуюся в тени галереи, – Булаву. Зловещий лик был непостижим под покровом капюшона, глаза нацелены на Андерса, находящегося в сотне футов под ним.

«Хорошо, – почти гневно подумал Тайлер. – Пусть это увидит человек со стороны».

– Держите его.

Андерс двигался стремительно, его руки работали почти с хирургической точностью, так быстро, что Сэт едва успел вскрикнуть, прежде чем дело было сделано. А вот Тайлер с Вайдом закричали, их голоса слились с хором воплей, эхом заматававшихся между каменных стен часовни. Тайлер опустил взгляд, не в силах смотреть на это, и обнаружил, что они с Вайдом по-детски крепко сцепились пальцами.

Андерс выпрямился, открыв лицо, залитое ярко-малиновым, и швырнул в угол часовни зажатую в руке сочащуюся красную массу. К Сэту наконец вернулось дыхание, и его первый крик вышел сумасшедшей какофонией звуков, отскакивающих от верхних стропил часовни.

– Убедитесь, что он выживет, – приказал Андерс прислужникам. – Он еще не выполнил свою работу.

Те подхватили Сэта и поволокли вниз по ступенькам, а потом по проходу между рядами священников. Тайлер не хотел смотреть, но ему пришлось. Красное лило как из ведра по бедрам и икрам Сэта, и алый след тянулся за ним по всему проходу. К счастью, Сэт, казалось, потерял сознание: его глаза были закрыты, голова склонилась на плечо. Прислужники пошатывались под его немалым весом.

– Смотрите и помните, братья! – прогремел Андерс с кафедры. – В Церкви Господней нет места сводникам и содомитам! Ваш грех откроется, и Божья кара не заставит себя ждать.

Тайлер, почувствовав, как ячменный суп, съеденный на ужин, поднимается к горлу, судорожно сглотнул. Многие вокруг выглядели так же плохо, бледные и испуганные, но Тайлер заметил и немало исключений: чопорных лиц, оправдывающих произошедшее. Отец Райан, чьи глаза блестели от волнения, энергично кивал каждому слову Андерса. И Тайлер, который не испытывал истинной ярости со времен голодного детства в Алмонте, вдруг почувствовал, как она в нем заклокотала. Где во всем этом Бог? Почему Он молчит?

– Отступники, – торжественно провозгласил Андерс. – Раскайтесь в деяниях своих.

Тайлер поднял глаза и обнаружил, что святой отец уперся в него взглядом.

– Тай? – вполголоса жалобно спросил Вайд. – Тай? Что нам делать?

– Мы подождем, – твердо ответил Тайлер, не отрываясь, глядя на алую реку у своих ног. – Подождем, пока Господь укажет нам путь.

И все же это заявление даже для него самого звучало пусто и слабо. Он возвел глаза к куполу часовни, на небо, ожидая какого-то знака. Ничего. А спустя мгновение обнаружил, что галерея пуста: Булава исчез.

* * *

Закончив с Арлиссом, Келси отпустила Андали и вернулась в свою спальню одна. Сегодня она устала от людей. Все, казалось, постоянно чего-то требовали, даже Арлисс, который лучше всех знал, как Корона связана с людьми и деньгами. Арлисс хотел обеспечить вооруженной охраной маленькую кучку фермеров, чтобы отсутствовать в Алмонте до одиннадцати часов. Келси понимала его: если Алмонт полностью опустеет, весь урожай будет потерян. Но она понятия не имела, где взять людей. Бермонд взвывает, попроси она хотя бы часть его солдат, и, хотя Келси не любила старого генерала, она понимала, что его позиции в самом деле крайне растянуты. Около четверти тирской армии обосновалось в окрестностях Аргосского перевала, следя, чтобы мортийцы не открыли его в качестве возможного канала снабжения. Остальные люди Бермонда были разбросаны по всему восточному Алмонту, усердно перемещая беженцев к Новому Лондону. Батальон Холла засел на границе. Лишних людей просто не было. Келси оставила Пэна в передней, не сказав ни слова, задернула за собой занавески. Андали приготовила ей чашку чая, но Келси оставила ее без внимания. Чай лишь не даст уснуть, а сил не прибавит. Она расчесала волосы и разобралась на столе, беспокойная и измученная, но совсем не желающая спать.

Чего ей действительно хотелось, так это вернуться в библиотеку, к загадке Лили Мэйхью. Кем она была? Келси пролистала более десятка исторических книг Карлин, в поисках любой ссылки на любых Лили и Грегга Мэйхью, но не нашла ничего, даже в книгах, изданных ближе к Переходу. Кем бы Мэйхью ни были, они словно бы канули в Лету, но загадка Лили по-прежнему казалась решаемой по сравнению с проблемой на восточной границе. Келси не покидала уверенность, что стоит ей найти нужную книгу, ответ обнаружится сам собой, и с Лили все будет ясно. А вот мортийская проблема решения не имела.

Она не могла вернуться в библиотеку. Пэну нужно поспать. Последние три ночи Келси ложилась пораньше, но Пэн по-прежнему выглядел очень измотанным.

Она начала переживать, спит ли он вообще или просто сидит на своем тюфяке, положив меч на колени, пока ночь не превращалась в утро.

Проявлять такую бдительность не было никакой нужды: сейчас под командованием Булавы находилось более тридцати королевских стражников, да и сама Цитадель была более безопасной, чем когда-либо. Но все равно образ Пэна, сидящего неподвижно и уставившегося в темноту, казался на удивление убедительным. Келси не знала, как заставить его спать, когда сама почти не спала.

После минутного раздумья она на цыпочках подошла к зеркалу. Келси специально не смотрелась в него на прошлой неделе, и, хотя она списывала это на воспитанное Карлин неприятие тщеславия, настоящая причина была куда проще: страх. Не считая редких приступов неконтролируемой тоски, Келси более или менее смирилась с тем, что так и проживет всю жизнь с круглым лицом дружелюбной деревенской девочки, благодушной, но ничем не примечательной. Раньше она частенько жалела, что не родилась красивой, но карты легли иначе, и она, как могла, смирилась со своей внешностью.

Сейчас же она почувствовала, что дрожит от страха, рассматривая себя в зеркале, вспоминая, как однажды сказала Карлин: «Порочность начинается с мимолетного послабления».

Келси не могла вспомнить, о чем шла речь, но помнила Карлин, с осуждением глядевшую на Барти. Теперь, разглядывая себя в зеркало, Келси понимала, что Карлин была права. Растление начинается не сразу, это постепенный, коварный процесс. Келси не видела и не чувствовала, как что-то происходило, но изменения подкрались к ней со спины.

Во-первых, преобразился нос. Он всегда сидел у нее на лице раздавленным грибом, слишком большим для всего, что его окружало. Но теперь, под испытующими глазами Келси, ее нос удлинился, сузился, став вполне естественным изящным возвышением между глаз. Округлый, слегка поросячий подъем смягчился на кончике. Глаза оставались все такими же яркими, кошачье-зелеными и миндалевидными. Но плоть вокруг них неуклонно растягивалась, и теперь сами глаза казались больше, первыми привлекая внимание, чего никогда не бывало прежде. Пожалуй, заметнее всего изменились губы Келси, полные и широкие, слишком большие для ее лица. Теперь они тоже уменьшились, верхняя губа слегка утончилась, отчего нижняя выглядела полнее, окрасившись глубоким здоровым розовым цветом. Щеки опали, так что лицо стало овальным, а не круглым. Все, казалось, сочеталось лучше, чем раньше.

Она не стала красавицей, думала Келси, как ни крути. Но и простушкой больше не была. Он выглядела, как женщина, которую можно запомнить.

Какой ценой?

Келси сжалась от этого вопроса. Она больше не боялась, что больна, потому что ее переполняла энергия, а то, что она видела перед собой, казалось воплощением здоровья. Но хотя поначалу Келси чувствовала удовольствие, глядя на эту новую женщину, от нее веяло фальшивостью. Эта красота появилась из ниоткуда и не отражала никаких внутренних изменений.

– Это по-прежнему я, – прошептала Келси. – Это ведь важно, не так ли? Суть осталась неизменной. И все же... – За последнее время она несколько раз ловила на себе тяжелый взгляд Булавы, словно тот пытался анализировать ее лицо. Остальные стражники... кто знает, о чем они говорили, расходясь на ночь по своим комнатам? Если все продолжится в том же духе, они вполне могут решить, что она волшебница, прямо как Красная Королева. Они по-прежнему переживали из-за транса, в который она впала той ночью в библиотеке: всякий раз, когда Келси спотыкалась, рядом оказывалось несколько стражников, готовых ее поддержать. Она закрыла глаза и снова увидела симпатичную предпереходную женщину с грустными глазами и глубокими морщинами вокруг рта. И те синяки.

Кто ты, Лили?

Никто не знал. Лили исчезла в прошлом со всем остальным человечеством. Но Келси не могла этим удовлетвориться. Ее сапфиры срабатывали сами по себе, их непоследовательность сводила с ума. Но они никогда ничего не показывали просто так.

Почему ты думаешь, что это сапфиры? Они уже несколько недель не дают признаков жизни.

Келси моргнула. По правде говоря, со времен Аргоса сапфиры почти никак себя не проявляли. Но Келси не походила на Андали, в ней не было собственной магии.

Вся ее сила, все необычное, что она делала, заключалось в этих двух кусках голубого камня, с легкостью помещающихся в кармане. Келси рискнула еще раз взглянуть в зеркало и чуть не вздрогнула, увидев спокойную привлекательную женщину.

С чего ты взяла, что камни мертвы? Ведь это они преобразжают твое лицо!

– Боже, – вздрогнув, прошептала Келси. Она повернулась к зеркалу спиной, словно готовилась к бегству, и остановилась. Перед камином стоял мужчина: высокий темный силуэт на фоне пламени. Келси открыла рот, чтобы позвать Пэна, затем закрыла, судорожно вдохнув. Конечно, это был Ловкач: всем известно, что никакие двери для него не помеха. Встав на цыпочки, она подошла на несколько шагов ближе, а потом, когда огонь осветил его профиль, вздрогнула. Человек перед ней не был Ловкачом, но все же она физически не могла ни кричать, ни издать любой другой звук.

Он был прекрасен, иначе не скажешь. Он напомнил ей рисунки Эроса, которые она видела у Карлин в книгах по мифологии: высокий, худой и такой же статный. Но на этом сходство заканчивалось. У этого мужчины было лицо сластолюбца, слегка впалые скулы сужались к полным губам. Глаза были глубоко, но как-то широко посажены, цвет не поддавался определению: в свете неверного огня они то мерцали темно-красным, то затухали.

Наследница Тира.

Келси покачала головой, чтобы избавиться от наваждения. Он не говорил вслух, она была уверена. Но все равно его голос эхом раздавался в голове, низкий, с явным тирским выговором. Ее пульс ускорился, дыхание участилось, словно повинуюсь некому метроному. Ладони, мгновение назад сухие, словно кости, запотели.

Она открыла рот, собираясь заговорить, но он прижал палец к губам.

Обсудим все в тишине, наследница Тира.

Келси моргнула. Она по-прежнему слышала, как за занавесом, закрывающим дверной проем, готовится ко сну Пэн. Тот ничего не слышал.

Нечего сказать?

Она опустила взгляд на сапфиры, но они покоились, темны и тихи, на черном шелке ее платья, теперь свободно струящегося по ее фигуре. Ее разум странно накренился, и она почувствовала себя пьяной, словно ей требовалась пощечина, чтобы проснуться. Она встретилась с мужчиной глазами, и мысль вылетела стрелой, так же легко, как и дыхание.

Кто вы?

Друг.

Келси так не думала. Она вспомнила предостережение Андали, но и без Андали было понятно, что этот человек ей не друг. Взгляд мужчины, казалось, пригвоздил ее к месту, и у нее возникло чувство, что все его внимание сосредоточено на ней и ничто в этот миг не интересует его так, как Келси Глинн. Красивый, как грех, предупредила Андали, и, пожалуй, не воздала ему должное. Раньше никто не был столь всецело поглощен Келси, и это оказалось соблазнительным чувством.

Чего вы хотите? – спросила она.

Только помочь тебе, наследница Тира. Желаеть узнать о мортийской Королеве? О передвижениях ее армии? В чем она слаба? Я могу обо всем тебе рассказать.

Бесплатно, надо думать.

Умная девочка. У всего есть цена.

Какова цена?

Он указал на ее руку, которая потянулась вверх почти бессознательно, чтобы вцепиться в сапфиры.

Ты обладаешь драгоценностями огромной силы, наследница Тира. И ты можешь оказать мне большую услугу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.